

Южный федеральный университет
Ростовский областной музей краеведения
Союз армян России
Ростовская региональная общественная организация
«Нахичеванская-на-Дону Армянская община»
Мясниковский районный отдел образования
Гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Материалы IV Шагиняновских чтений
4–5 апреля 2017 года

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2017

ББК 84
И–64

Организаторы чтений:

Южный федеральный университет
Ростовский областной музей краеведения
Союз армян России
Ростовская региональная общественная организация
«Нахичеванская-на-Дону Армянская община»
Мясниковский районный отдел образования
Гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону

И–64 Исторические реалии XX века в творчестве М.С. Шагинян: Материалы IV Шагиняновских чтений (с. Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской области. Историко-этнографический музей – 4 апреля 2017 г.; г. Ростов-на-Дону. Музей русско-армянской дружбы – 5 апреля 2017 г.). – 122с.

ISBN 978-5-9500181-7-6

В сборнике публикуются приветствия, доклады и сообщения участников IV Шагиняновских чтений. В них рассматриваются проблемы труда, нравственных уроков, религиозных и научных исканий, поэтической и литературной деятельности в творчестве Мариэтты Сергеевны Шагинян.

ISBN 978-5-9500181-7-6

*Сборник издан при финансовой поддержке
Союза армян России.*

© Оформление «Фонд науки и образования», 2017

«Время, активно прожитое мною, я храню в памяти как великое время, и никакие трагические его страницы, ошибки или жестокости тех лет не перевешивают передо мной его исторического величия»

М.С. Шагинян Человек и Время. 1982 г., стр. 547.

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ IV ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«СОЮЗ АРМЯН РОССИИ»

Президент

Участникам четвертых Шагиняновских чтений

Уважаемые участники Шагиняновских чтений!

От имени Союза армян России, Всемирного Армянского Конгресса и от себя лично сердечно приветствую организаторов и участников четвертых Шагиняновских чтений, приуроченных к дате рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Отрадно, что проведение в первых числах апреля Шагиняновских чтений в Ростове-на-Дону – в родном городе матери М.С. Шагинян, стало доброй традицией.

Проведение подобных научных конференций, посвященных творчеству М.С. Шагинян – признанного мастера советской литературы, вносит весомую лепту в культурную жизнь Ростова-на-Дону и являются свидетельством непритворного интереса к многоплановому творческому наследию Мариэтты Сергеевны Шагинян. Оно включает в себя талантливые произведения в самых различных жанрах литературы – прозы и поэзии, литературного перевода и публицистики.

М.С. Шагинян внесла неоценимый вклад в глубокое осмысление человеческой сущности одного из самых выдающихся деятелей в истории человечества – основоположника советского государства и вождя мирового пролетариата В.И. Ленина.

Она была также и признанным мастером журналистики. В целом, через ее творчество открывается почти документальная

картина целой исторической эпохи – советского периода истории нашей страны.

От имени Союза армян России, выступившего также в качестве одного из организаторов четвертых Шагиняновских чтений, выражаю особую благодарность их основному организатору – Южному федеральному университету, а также Ростовскому областному музею краеведения, «Нахичеванской-на-Дону Армянской общине», Мясниковскому районному отделу образования, гимназии № 14 г. Ростова-на-Дону.

Желаю всем участникам четвертых Шагиняновских чтений успешной и плодотворной работы.

А.А. Абрамян

*Президент САР и ВАК,
Член президиума Совета при Президенте РФ
по межнациональным отношениям,
Посол Доброй Воли ЮНЕСКО*

4 апреля 2017 года

Ростовская региональная общественная организация «Нахичеванская-на-Дону армянская община»

От имени правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» разрешите поприветствовать участников четвертых Шагиняновских чтений!

Большой интерес вызывает творческое наследие Мариэтты Сергеевны Шагинян в среде молодежи и в широких кругах общности.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – выдающаяся писательница, публицист, ученый. Она была свидетелем и участником эпохальных событий XX века – Первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, строительства социализма, Великой Отечественной войны, восстановления и развития страны в последующие десятилетия и глубоко и правдиво отразила их. В своем творчестве она сумела талантливо отразить все исторические процессы, происходившие в нашей стране.

«Шагиняновские чтения» призваны популяризировать литературное наследие писательницы, обратить особое внимание на людей созидательного труда, на укрепление дружбы русского и армянского народов, других народов нашей страны, на поддержку всего нового, передового, гуманного.

Поздравляем вас с этим событием и желаем всем участникам четвертых Шагиняновских чтений творческой и плодотворной работы.

**С уважением,
Депутат Законодательного Собрания РО,
Председатель правления РРОО
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»
А.А. Сурмалян**

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ IV ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

Н.С. Авдулов

ТЕМА ТРУДА В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Тридцать пять лет тому назад, в 1982 году, ушла из жизни Мариэтта Сергеевна Шагинян – замечательный писатель, крупный мыслитель, яркий публицист, ценитель прекрасного и возвышенного, приверженец справедливости, носитель высоких нравственных качеств. В своих романах, повестях, пьесах, стихах, очерках, эссе, статьях и устных выступлениях она страстно отстаивала право человека на достойную жизнь, оказывала поддержку справедливому, передовому, активно участвовала в созидании нового общества, в утверждении добрых отношений между людьми. Ее глубоко философские размышления о жизни, о времени, об истине и лжи, о человеческих добродетелях и пороках, о борьбе нового со старым, о культуре, науке и образовании, о плохих и хороших привычках сохраняют научную и художественную ценность. Литературное наследие М.С. Шагинян охватывает широчайший круг проблем человеческого бытия в XX веке. Со всей искренностью и осмысленностью она приняла Великую Октябрьскую социалистическую революцию и всю жизнь верно служила ее идеалам. Она творчески осваивала и расширяла пафос созидательных процессов, преобразующих не только экономику, быт, культуру, но и человеческую личность, отношения между людьми. В меру своих сил и таланта она помогала ковать победу советского народа над германским фашизмом, восстанавливать разрушенное народное хозяйство, быть активным борцом за мир во всем мире, сближать народы, умножать пространство культурных взаимодействий.

В обширном творческом наследии М.С. Шагинян можно найти поучительные размышления по важнейшим вопросам, которые и сегодня многих людей интересуют, волнуют, а порой и мучают. В чем смысл жизни? Как сформировать характер и закалить волю? Можно ли перейти черту между добром и злом в

повседневной жизни? Чем отличается доверие и доверчивость, порядочность от хитрости? Как учиться, чтобы чему-нибудь научиться, как следует читать, чтобы понимать прочитанное?

В поле ее постоянных исканий были вопросы воспитания духовной культуры, проблемы духовного труда. Не будучи профессиональным музыкантом, она, по ее словам, «с детства страстно любила музыку – для себя, для нервной своей системы, для духовной пищи, без которой, как без катализатора трудно было осмысливать во всей их синтетической полноте все другие области искусства» [4, 365].

Она умела слушать, понимать и ценить музыку, постоянно обогащала свой слух умным и глубоким наслаждением музыкой. Искренне чувственное восприятие музыки сблизило ее с гениальным композитором, исполнителем и дирижером С.В. Рахманиновым, подвигло ее на подвиг по «воскрешению из мертвых» чешского композитора Й. Мясливчика. О музыке она писала много раз и всякий раз восхитительно. Так, в своем комментарии к шестому и седьмому письмам С.В. Рахманинова к ней она писала: «Критерий нужности, необходимости музыки для человека, ставшей его жизненной потребностью на все возрасты, был в воздействии музыки на чувства, сознание, настроение, направление к действию, состояние «нервов» слушателя» [4, 412]. В музыке она превыше всего ценила ритм, мелодию, гармонию, не терпела какафонию, звуковую тарабарщину.

В социальном отношении музыка многофункциональна, действует на благо человека. Она «восхищает, дает наслаждение, веселит, бодрит, заставляет думать, грустить, понимать, постигать, помогает, успокаивает, зовет к действию, поднимает бурю чувств и мыслей или влечет к забвению и покою» [*Там же*]. М.С. Шагинян подчеркивала особенно важную организующую роль музыки в обществе. Она соединяет, сближает, роднит людей, вдохновляет их на добрые дела, придает силы и уверенность в достижении намеченных целей, в борьбе за справедливость, лучшую жизнь, в борьбе против разрушительных, человекоуничтожающих действий. Размышления М.С. Шагинян о жизни, о духовном труде, о музыке, об искусстве представляют собой поучительные уроки, которые она озвучивала как для

себя, так и для других. Будем учиться доброму, светлому, справедливому, высоко нравственному у Мариэтты Сергеевны.

Тема труда в творчестве М.С. Шагинян была одной из ведущих и неисчерпаемых. Познав вкус к труду с детства, она всю жизнь трудилась. Без труда она не мыслила свою жизнь. Один из тех, кто хорошо ее знал, В. Осипов в своих заметках писал: «Однажды во время домашнего у нее чаепития задала до края интригующий необычный вопрос: Отчего не спрашиваете, почему я так долго живу? Интересно? Так слушайте. Я постоянно живу потому, что подчинила свою жизнь постоянной работе и только работе. Работаю же столько старческих лет потому, что научилась убеждать себя – да, убеждать! Да себя: я должна жить, чтобы дописать, не бросить неоконченной такую-то книгу, такую-то статью, такой-то очерк. Но когда заканчиваю, снова начинаю убеждать себя, вот новая работа, надо закончить ее во чтобы то не стало. Да, во что бы то не стало закончить! Когда перестану стремиться закончить новую работу, это будет значить, что мой мозг устал, он окончательно устал – тут мне и нужно умирать» [См.: 2]. Даже в свои 90 лет она признавалась в том, что «хотела бы дописать свою последнюю книгу, если бы какой-нибудь чудодей вернул мне зрение с моим собственным опрозраченным хрусталиком» [4, 558].

М.С. Шагинян, как никто другой, понимала сущность труда, его преобразующую роль в развитии общества в целом и человека в отдельности. Труд в творчестве писательницы предстает в самых разных проявлениях и измерениях, с самых разных сторон и в разных взаимосвязях.

В труде она видела источник не только материального и социального благополучия, но и коренное условие культурного, духовного роста человека, основу его самореализации и нравственного возвышения.

«Посмотрим на самый, казалось бы, простой, примитивный труд на земле, – писала она. – Почему он нас кормит? Что с нами было бы, если бы мы посадили одну картофелину и выросла бы из нее тоже только одна картофелина? Зачем тогда сеять и сажать? Великая тайна природы, тайна земли в том, что природа, мать-земля отвечает трудом на труд, процесс, совершающийся между ними, обоюден, вершится двумя силами, хотя од-

на считается живой, а другая неживой. Земля размножает зерно, размножает картошку. Армянский пахарь из села Чалтырь под родным городом моей матери Нахичеванью-на-Дону, когда я как-то воскликнула: До чего же тяжел ваш крестьянский труд! – ответил мне: «Он нам не тяжелый. Потому что, видишь ли, земля отвечает. Земля отвечает. Металл отвечает резцу. Глина отвечает пальцам скульптора. Бумага отвечает под пером поэта, писателя. Человек отвечает человеку. Все отвечает на посеянное нами, доброе и злое» [1, 51].

В этих словах сформулирован основополагающий закон трудовой жизни человека. В другой связи и по иному поводу она связывала понятие труда с чувством любви к своей земле, к своей Родине, с патриотизмом. Что встает перед каждым человеком за словом *Отечество*? – спрашивала она и отвечала: «Родная русская природа? Но разве есть она без приложения к ней сил человеческих? В самом густом лесу протоптана тропинка: в ясном небе – дымка из сел, контуры городов, купола храмов; на речных половодьях, в морских портах – корабли, баржи, лодки... Весь материальный мир, созданный трудом и гением народа, вся его материальная культура, все духовные ценности, его прошлое, лучшее в нем, его будущее, лучшее для него будущее, ради которого мы живем и трудимся, дети свои и чужие, отцы, какими они отложились в нас, мать, начало любви к стране, к родному народу, к родному, выкованному веками языку, нашей связи и нашей общности, – разве может быть патриотизм без любви к своему народу, источнику всего, что есть Родина» [4, 462].

Труд для М.С. Шагинян был мерилom человеческой жизни, непрерывным стимулом к развитию, к совершенствованию, к формированию человеческого достоинства, к преодолению всевозможных бедствий и потрясений. Говоря о своем бедственном положении в молодые годы, она считала бедность для себя счастьем. «Бедность была непрерывным призывом к труду. Бедность оставляла душу чистой от пустого времяпрепровождения, время становилось самым великим богатством, оберегающим, как драгоценность, бедность приучала к постоянству, долгу труда, творчеству, ежедневной потребностью творчества» [4, 484]. Чаще всего она труд рассматривала не только как долг, как обя-

занность, как необходимость, а как потребность, как внутреннее, душевное влечение, без которого жизнь человека теряет смысл, теряет свою ценность.

Подвергая психологическому анализу собственное отношение к труду, она обнаруживала тоску по труду и задавалась вопросом: почему же тоска? Откуда это ощущение вериг на руках? Отвечая на эти вопросы, она писала: «Мне сейчас ясно, что тут был очень важный биографический факт: труд мой тогдашний оставался все тем же *старым* трудом. Так почему же он продолжается, не изменившись после революции? Почему этот труд ассоциируется с безделием – и страстно хочется *нового* труда, особенно созидательного, не похожего ни на что старое?» [4, 487]. Старый труд, по ее представлению, ничего не менял в обыденной жизни, не затрагивал основных жизненных устоев человека, не вел его к благополучию и повышению качества жизни. Продолжая свои размышления, она отмечала: «Очень важно понять, что Октябрь принес утоление тоски по труду. Он утолил тоску по труду потому, что дал новое качество труду, изменил существо труда, сделал его *новым*... новое качество труда – это созидание для справедливого строя жизни, первое в мире *раскрепощенье труда*, свобода инициативы в нем, свобода творчества» [Там же]. О том, как менялся характер труда, каким содержанием он наполнялся, с какими проблемами и трудностями приходилось сталкиваться при этом, сказано в ее очерке «Как я была инструктором ткацкого дела».

Повышенный интерес сохраняют в наши дни размышления М.С. Шагинян о созидательном, творческом, новаторском, прогрессивном характере труда. Всякий труд, – по ее утверждению, – призван привносить что-то новое, до этого неизвестное, более рациональное, более экономное, более эффективное. «Механической работы вообще нет на земле, творческой энергией начинен каждый атом материи, может быть, сочетание этих атомов, творческая сила рождения нового в них у одного явления природы (в том числе человека) больше и поэтому заметней, у другого меньше и поэтому незаметней...» [4, 529]. Два критерия творческого характера труда она считала непреложными. В-первых, мера насыщенности познавательным материалом, глубинного понимания смысла осуществляемых действий, профес-

сионализмом. Во-вторых, «присутствие в каждой работе добавочного икса нового, чего не было вложено сознательно в материалы. Труд есть процесс, движение от известного к неизвестному, от повторимого к неповторимому. Этими критериями М.С. Шагинян руководствовалась в своей литературной работе. «Если по перепечатке на машинке, или в гранках, или даже в напечатанном виде моя собственная работа мне не дает ничего нового, чего бы я не знала в процессе ее написания, – значит, дрянь работа. И никуда она не годится, и жалко, что я ее напечатала» [4, 527]. Такие критерии не устарели и заслуживают того, чтобы были приняты на вооружение каждым, кто претендует на творческую работу в современных условиях.

О чем бы ни писала Мариэтта Сергеевна Шагинян, тема труда не уходила из поля ее внимания. Передавая свое очарование четвертой симфонией П.И. Чайковского в исполнении С.В. Рахманинова, она, прежде всего, почувствовала в ней «Тему *счастья* труда, нарастающий гимн работе, откровенное излияние композитора о победе своей над всеми душевными кризисами и над неверием в свои силы, – могучим шествием труда, победоносного труда, из части в часть, из темы к теме, из образа в образ, торжеством свершаемой работы над царством звуков, творческой власти над стихийным их буйством» [4, 370]. Прославляя труд, она писала: «...вот что спасает при всех кризисах, вот что высветливает темноту в душе, заставляет забыть любое страдание, снимает любую боль – труд, работа и новая самоотдача!» [4, 371]. Труд, в ее понимании, лечит душу, наполняет ее радостным чувством бытия. Без всяких натяжек можно с полным основанием сказать: основными героями ее произведений были люди труда, люди созидательного, творческого труда. «В новом обществе, – утверждала она, – труд обязан быть творческим, чтобы стать отрадным, любимым, нужным, потребным как хлеб. Но творческим он становится, когда человек привносит в него свою инициативу, т.е. нечто новое, индивидуальное, не такое как у соседа. Ведь только так, только шагом вперед, можно продвинуться от сегодняшнего к завтрашнему» [4, 116]. Без труда нет и не может быть продвижения вперед, развития как общества в целом, так и отдельного человека. Творческий, продуктивный характер труда проявляется также в неразрывной связи с

созданием условий для удовлетворения жизненных потребностей человека. Труд, – по мнению М.С. Шагинян, – оторванный от потребностей людей, является бесплодным, напрасным, имитацией, показушным.

Долгие годы М.С. Шагинян изучала, анализировала, осмысливала сложнейший, противоречивый процесс перерастания труда из необходимости в жизненную потребность в условиях созидания нового общества. В этих целях она с неподдельным интересом читала и перечитывала «Капитал» К. Маркса, докапывалась до понимания его мыслей о сущности труда, делала для себя важные выводы методологического характера. «Труд определяется многими своими свойствами. Он и соотношение человека с природой, соотношение, в котором он не только изменяет природу, но изменяется сам пробуждением дремлющих в нем самом сил. Труд – это и наслаждение, способное увлечь того, кто трудится, и своим содержанием и способом его исполнения, но труд может быть и неспособным увлечь рабочего, механическим. И целесообразная воля, необходимая для свершения труда, оказывается более необходимой в рабочем, чем непривлекательней его труд. И труд называется «игрой физических и интеллектуальных сил», когда он трудящихся увлекает» [4, 541].

Не углубляясь в теоретические изыскания М.С. Шагинян, важно отметить то обстоятельство, что она не ограничивалась ими, а была активнейшим непосредственным участником происходящих перемен в сфере труда. Почти непрерывно полтора года она жила на строительстве Дзорагэса в Армении, вникала не только во многие проблемы стройки, но прежде всего наблюдала те перемены, которые происходили в отношениях людей к труду, друг к другу, выявляла внутреннюю мотивацию их поведению, ростки причастности к общему делу, к коллективному труду. Впоследствии она талантливо описала это в романе «Гидроцентральный».

В очерках «Путешествие по Советской Армении» в увлекательной форме на многочисленных примерах она рассказала о проявлениях нового, более осознанного отношения к труду. В задушевных беседах с животноводами, сталеварами, строителями, учителями она собирала, описывала и обогащала факты свободного, творческого, новаторского труда. В многочисленных

статьях, очерках, беседах она подвергала беспристрастному анализу такие явления в сфере трудовых отношений, как социалистическое соревнование, стахановское движение, движение за коммунистический труд. При ее активном участии многие трудовые подвиги и методы становились достоянием всей страны. Яркие, с большой любовью нарисованные портреты машинистов, токарей, каменщиков, доярок, учителей, ученых вызывали у читателей чувство гордости, становились символом трудолюбия, достоинства, умножали их привлекательную и вдохновляющую силу.

С присущей ей пунктуальностью она входила в сферу любой трудовой деятельности, с предельным уважением и пониманием находила нечто необычное, неповторимое. В качестве иллюстрации можно назвать очерки об ученых – академиках В.Л. Комарове, А.А. Байкове, С.Г. Струмилине, В.А. Обручеве. В каждом из них она открывала и описывала те профессиональные и человеческие качества, которые обеспечивали достижение успехов в науке. Главной заслугой В.Л. Комарова, – по ее мнению, – было то, что он «поднял идею систематики на высоту глубоких теоретических и хозяйственных проблем» [3, 190]. В научном творчестве А.А. Байкова привлекла его способность «каждую мысль додумывать до конца, до той предельной ее ясности к завершенности, когда она уже превращается в формулу, в закрепление опыта, годного для передачи другому, для перехода в общее пользование» [3, 197]. У С.Г. Струмилина она отмечала его умение «в нужную минуту заниматься не тем, что милей всего сердцу и лично интересней, а тем, что наиболее важно обществу и чего без тебя никто другой сделать не сможет или не возьмется» [3, 213]. Характерным для В.А. Обручева «был описательный, собирательный опыт его работы, исключительная его точность и конкретность в запечатлении отдельных фактов имеют огромную важность для науки, потому что полнота и обилие фактов подводят мысль к обобщению и помогают видеть и находить общее» [3, 225].

О труде ученого она писала много и по разным поводам. В полном согласии со словами своего научного руководителя, она придерживалась того мнения, что « путь ученого – не минутное увлечение, под влиянием которых стихи пишут. Для ученого

тема его работы – это его жизнь. Не сел за стол по часам, а потом закурил, гулять вышел, в кино – совсем другим человеком, с другими интересами на уме. А встал с работы и ушел в работу. Она с ним на прогулке, за едой, во сне. Содержание жизни» [4, 435].

Тема труда получила в творчестве М.С. Шагинян серьезную научно-художественную разработку. Ее выводы, обобщения в наши дни – дни резкого снижения престижа труда в общественном сознании, – поучительны и злободневны.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабеков Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону. 2013.
2. *Осипов Валентин.* Неистовая Мариэтта Шагинян // *Дон.* 2011. № 12.
3. *Шагинян М.С.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 1973. Т. 4.
4. *Шагинян М.С.* Человек и Время. М., 1982.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ КНИГИ М.С. ШАГИНЯН «ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ»

В многогранном творчестве выдающейся советской писательницы, талантливого ученого и яркого общественного деятеля, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Сталинской премий Мариэтты Сергеевны Шагинян совершенно особое место занимает ее последняя книга «Человек и Время. История человеческого становления», успевшая выйти при ее жизни. Над своим последним детищем М.С. Шагинян начала работать в 1970 году в возрасте 82 года и поставила последнюю точку 31 июля 1978 года, сопроводив заключительную страницу рукописи, которую в прямом смысле писала от руки, – не только датой этого дня, но и выразительными фразами: «Dixi¹. Конец. 90 лет и 4 месяца. Переделкино – Москва». (Особенно поражает вот это – «90 лет и 4 месяца»...)

Впрочем, до ухода из жизни ей тогда оставалось еще три года и восемь месяцев. Однако возможностей для продолжения полноценной литературной работы у М.С. Шагинян уже не было: силы таяли. А главное – она ослепла. И хотя в истории мировой литературы было немало случаев, когда слепые люди писали книги (тот же Николай Островский) – это, как правило, были художественные произведения, для создания которых не возникало особой необходимости «копаться» в архивах и библиотеках. А вот для написания «Человека и Времени» Мариэтта Сергеевна должна была, по ее глубокому убеждению, прежде всего заниматься своим любимым занятием – «рыться в книгах» (фраза, ранее сказанная не кем-нибудь, а Карлом Марксом – в ответах на анкету, которую ему предложила заполнить любимая дочь).

М.С. Шагинян понимала, что, решив, по выражению немецкого драматурга Герхарта Гауптмана, «перед заходом солнца» рассказать о своей долгой и чрезвычайно насыщенной жизни, она не может и не имеет права ограничиться лишь своими вос-

¹ С латинского можно перевести, как «Я сказала всё!».

поминаниями, своей памятью, которые могли уже ее и подвести. Ей нужны были архивные документы, книги других людей, чтобы написанное ею имело научную ценность. Именно так она работала над своими ранее вышедшими книгами, одновременно относящимися и к литературе, и к публицистике, и к науке. По-другому работать она уже не могла. Даже если главным героем создаваемой ею книги на этот раз являлась она сама. Увы, окончательно ослепнув в 90 с лишним лет, она уже не имела физических возможностей продолжать писать эту книгу, даже при наличии помощников, которые у нее, думается, легко нашлись бы.

Первая публикация книги «Человек и Время» была осуществлена в популярном литературно-художественном журнале «Новый мир» в 1971-1978 гг. практически по мере написания. Затем в 1980 году в издательстве «Художественная литература», а в начале 1982 года в издательстве «Советский писатель» вышли два книжных издания этого произведения – уже целиком. По крайней мере, журнальная и первая книжная публикация вышли при жизни писательницы, уже тяжело болевшей.

В предисловии (но не в подзаголовке!) к своей книге М.С. Шагинян дала ей жанровое определение – «воспоминания», т.е. «мемуары»¹. И вот тут у нас и возникает вопрос – классические ли у М.С. Шагинян мемуары, отвечающие большинству понятий и представлений об этом жанре, как они значатся в литературоведческой науке, или все-таки тут есть нечто очень и очень индивидуальное, особенное? Что тут от «классической» мемуаристики, а что – создано автором? Попробуем в этом разобраться.

¹ Мемуары – от латинского слова, обозначающего «память». Термин «Мемуары», согласно Большой Советской Энциклопедии, – это «Воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий. Создаются на основе личного опыта их авторов, ... осмысленного в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания мемуаров. Основными источниками сведений для мемуаров являются воспоминания авторов о пережитом, но наряду с ними порой используются различная документация, дневники, письма, пресса и т.п. Мемуары зачастую представляют собой литературные произведения и составляют особый жанр, разновидностью которого является автобиография...» (БСЭ, 1974. Т. 16).

Начнем, однако, с заголовка и подзаголовка: «Человек и Время. История человеческого становления». Любой опытный редактор-профессионал, прочитав подряд заголовки и подзаголовки этой книги, поначалу сразу почувствует, что тут «что-то не совсем удачно». Что именно? Дело в том, что в случае использования и заголовка, и подзаголовка не принято, чтобы в их совокупности использовались одинаковые или однокоренные слова. Это элементарный закон практической стилистики, который знают все писатели, журналисты и вообще все образованные люди, дружащие с филологией. Другой вопрос – автор иногда нуждается в помощи редактора, чтобы увидеть вполне возможные собственные оплошности. Так что наверняка редактор книги, работая с автором, должен был, несмотря на то, что автор – Герой Социалистического Труда, лауреат нескольких премий, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР и т.д., сказать Мариэтте Сергеевне: а не лучше ли будет, если из двух слов – «человек» и «человеческого» – останется только одно, а второе будет заменено синонимом или вообще другим словом?.. И коли в итоге остались оба этих однокоренных слова, значит, автор это сделала сознательно, специально, чтобы подчеркнуть нечто важное для нее. Это тоже, кстати, своеобразный стилистический прием, об использовании которого автором можно догадаться, перечитывая то, что М.С. Шагинян назвала «Вместо предисловия». Именно там она обосновывает (и в строках, и «между строк»), что пишет не строго мемуары, а книгу, в которой в центре внимания – отнюдь не вся ее биография, а прежде всего детство, юность, молодость – время *человеческого становления*.

Да, конечно, тема детства, юности, молодости часто становится темой серии книг – в том числе и у писателей-классиков. Вспомним хотя бы «Детство», «Отрочество», «Юность» Льва Толстого или «Детство», «В людях», «Мои университеты» Максима Горького. Но то были, строго говоря, не мемуары, а полноценные художественные произведения, герои которых не тождественны напрямую автору (у Толстого герои его трилогии имели даже, как известно, другие имена). Обращение к юности зрелого, а подчас и пожилого человека позволяет автору много понять в себе сегодняшнем. Как пишет в предисловии Мариэтта

Сергеевна Шагинян, «в каждом из нас, когда мы были детьми, скрыто очень много тайн и заложен ключ к постижению нашей зрелости». И далее, спустя несколько фраз: «Не всегда это читателю интересно. А между тем, дорогой читатель, это важно, необходимо, и это захватывающе интересно для самого пишущего». Пожалуй, опасения М.С. Шагинян насчет якобы «неинтересности» такой информации для читателя напрасны, но это, конечно, за счет мастерства автора как художника и чрезвычайной интересности самой фактуры – становления столь неординарной личности, какой стала автор уже в молодом возрасте. Разве не интересно интеллигентному читателю сопоставить эти воспоминания, например, с тем, как происходило становление *его* личности?

Другой вопрос – в какой степени, приступая к нелегкому труду научно подкованного мемуариста более чем 80-летняя автор книги наверняка понимала: в ее жизни было столько всего потрясающе интересного – и в смысле пережитых ею исторических событий, и в смысле общения с поразительно интересными людьми, что, по собственному признанию М.С. Шагинян, для этого нужны будут «десятки книг». Такая задача была, совершенно ясно, нереальной ни для нее самой, ни для издательства, ни для, скажем откровенно, читателя. Надо было выбирать что-то лишь самое главное для автора – то, без чего сама идея такой книги была бы бессмысленной. И М.С. Шагинян выбрала то, что она сама назвала «историей человеческого становления». Ну, а поскольку название книги «Человек Время» уже было придумано, она не сочла таким уж большим грехом стилистический недочет в сочетании заголовка и подзаголовка. И, похоже, сумела убедить в этом редакторов издательства.

Сейчас мы вряд ли можем документально выяснить, до какого возраста намеревалась изначально довести повествование автор книги. Вообще-то большинство книг на похожую тему «детства, отрочества, юности» обычно доводят до 25-26, максимум до 30 лет, когда человека уже в полной мере можно считать взрослым и завершившим период своего «становления». У М.С. Шагинян возрастной границей «человеческого становления» стал возраст, приближающийся к 40 годам (в главе, в которой она рассказывает о своем «втором студенчестве» в Плановой

академии – уже при укрепившейся Советской власти). Означает ли это, что ее «становление» чересчур затянулось, или она не удержалась от нормального желания поведать читателю о наиболее интересных моментах своей дальнейшей вполне взрослой жизни, когда у нее были уже и социальный статус, и известность, и признание, и нормальные бытовые условия, и семья, и талантливая дочь и т.д.? Нет, не означает. Подсчитаем: 30 лет Мариэтте Сергеевне исполнилось в 1918 году. Время революции, гражданской войны, нового взгляда на мир. Революцию она, представительница прежних обеспеченных слоев общества, в полной мере приняла. И увидела в ней новый шанс для того, чтобы быть полезной другим, о чем всегда мечтала. Отсюда ее необычные места работы во время гражданской войны и первых лет Советской власти (например, инструктора ткацкого дела в Нахичевани – ныне одном из районов Ростова-на-Дону). Отъезд на длительное время в ранее незнакомую ей Армению, куда ее позвал голос крови, и вполне удавшаяся попытка написать то, что потом назовут «одним из первых производственных романов в советской литературе» («Гидроцентральный») – это ведь было осуществлением горячего желания разобраться в том, что происходит вокруг и понять суть идущих коренных преобразований в стране, в обществе, в человеческом сознании.

Последние главы «Человека и Времени...», где как раз говорится о первых годах Советской власти, М.С. Шагинян – и это чувствуется – писала уже в преклонном возрасте. Она спешила, поскольку хотела закончить книгу и увидеть ее напечатанной. Но остановиться на этих первых советских годах и тем самым как бы сказать, что на этом ее «человеческое становление» завершилось тоже было бы неестественно – ведь жизнь именно тогда делала такие поразительные повороты, что не рассказать о них она просто не могла. А на описание всей ее дальнейшей долгой и насыщенной жизни уже не было ни сил, ни здоровья, ни времени. На чем же остановиться? Может быть, на истории создания серии книг о В.И. Ленине – тем более что в книгах о В.И. Ленине тема «истории человеческого становления» тоже явственно присутствовала – на примере интереснейшего жизнеописания его детства и отрочества, а также истории его родительской семьи. Надо полагать, тогдашняя очень политизиро-

ванная критика весьма похвалила бы автора за это. Но для последней главы Мариэттой Сергеевной Шагинян была выбрана все же совсем другая история. И, возможно, потому что 90-летней М.С. Шагинян уже не хотелось вновь обращаться к неприятной для нее теме – а именно, с какими проблемами приходилось ей сталкиваться, когда ее «Лениниана» (и прежде всего входящая в нее повесть «Семья Ульяновых») была изъята из советских библиотек только за то, что кому-то «в верхах» тогда не понравилось, что М.С. Шагинян в результате длительного и талантливо выполненного архивного поиска удалось выяснить, что в роду В.И. Ленина были представители разных национальностей, в том числе калмыки, выселенные в 1944 году с мест своего проживания, якобы, за сотрудничество с немецкими оккупантами. Да и другие национальности (немцы и шведы) в происхождении В.И. Ленина занимали весьма большое место. Поистине В.И. Ленин был человеком мира, но... кому-то показалось, что он, так сказать, получился в книге М.С. Шагинян недостаточно русским. И лишь спустя много лет книга М.С. Шагинян вернулась из «спецхранов» и была переиздана.

Концовка, приближенная к современности, однако, в пишущихся мемуарах была нужна. И тогда М.С. Шагинян совершила в своей книге, можно сказать, самый «дальний» прорыв в современность. В последней главе речь идет об удивительной, более чем месячной поездке 85-летней писательницы в Швейцарию, где она решила-таки закончить сбор материала для начатой еще до революции магистерской диссертации о немецком философе XIX века Якобе Фрошаммере, а для этого ей нужно было поработать в библиотеках Цюриха, где – она это знала – есть старые книги об этом полузабытом даже в Германии и Швейцарии философе, чем вызвала там искреннее удивление. К этому времени сама М.С. Шагинян давно уже стала доктором филологических наук – за исследование об украинском поэте, художнике и общественном деятеле Т.Г. Шевченко. Никто не настаивал на том, чтобы она довела до конца свою давнюю научную работу, не имевшую такого уж большого значения – во всяком случае, для отечественной науки. Но она сделала это потому, что так была воспитана, так понимала свою ответственность за начатое дело, так ей велел тот самый уровень «человеческого

становления», плоды которого ей пригодились в полной мере во всей ее дальнейшей долгой жизни. Кстати, так было и ранее, когда писательница взялась за книгу о чешском композиторе Иосифе Мылсевичеке, изданную потом в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) и признанной в Чехии по сей день самой лучшей книгой об этом композиторе, вышедшей в мире. Лучше тех, что написали сами чехи.

Собрав в швейцарской библиотеке уникальный научный материал, М.С. Шагинян уехала на Родину, рассчитывая привести в порядок собранные для научной работы материалы. Но сил и здоровья для этого у нее уже не было. Да и мемуары надо было заканчивать, ведь первые главы уже дошли до читателя через журнал «Новый мир». Мариэтта Сергеевна передала собранное о Фрошаммере своей внучке Елене, рассчитывая, что теперь уже она найдет способ закончить эту весьма сложную работу...

Хотелось бы сейчас, в год 100-летия Февральской и Октябрьской революций, чуть-чуть оторваться от заявленной темы и сказать несколько фраз о еще одной книге М.С. Шагинян, ставшей по-настоящему открытием нового взгляда на Владимира Ильича Ленина. Это «Четыре урока у Ленина» – поистине новаторское произведение, написанное задолго до перестройки. К тому времени уже вышло новое, дополненное и несколько переработанное издание книги «Семья Ульяновых». Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но М.С. Шагинян написала совсем новую, не похожую на предыдущие, книгу о В.И. Ленине. А точнее – и о В.И. Ленине как таковом, и о том, чему мы должны у него учиться спустя полвека с его смерти. Автор сделала поразительно глубокий анализ жизни и деятельности вождя революции и создателя Советского государства. В.И. Ленин предстал в этой книге, прежде всего, не вождем, а человеком. Но человеком, ставшим вождем благодаря собственным выдающимся качествам. Главное же, что отличает эту книгу о В.И. Ленине от множества других, вышедших в нашей стране – это то, что есть и в воспоминаниях М.С. Шагинян «Человек и Время...»: читатель как бы идет вслед за своим проводником – автором, мыслит *вместе с ним*. И идет за ним, потому что таковы сила убеждения автора, его интеллект и истинно писательское умение войти вглубь души как своего героя, так и своего чита-

теля. Если постараться, можно и в «Четырех уроках...», и в мемуарах М.С. Шагинян найти много общего, прежде всего, в глубине подхода к раскрытию темы.

Надо честно и откровенно сказать, что мемуарную книгу М.С. Шагинян «Человек и время» читать непросто. Намного сложнее, чем «Четыре урока у Ленина». Потому что для этого надо как минимум разбираться в десятках фамилий людей, ставших, увы, забытыми или полузабытыми. Тот же немецкий философ и теолог Якоб Фрошаммер, чем-то в свое время поразивший Мариэтту Сергеевну. Много ли сейчас у нас людей, даже просто знающих это имя (я уже не говорю о знающих суть его учения)? Возможно, обладавшая поистине энциклопедическим умом и памятью М.С. Шагинян искренне полагала, что если она знает, кто такой Фрошаммер, то и читатели ее должны пусть и меньше, чем она, но все же знать его. Увы, уйдя из жизни в 1982 году, она не могла представить себе, что случится в 1991-м и в 1993-м годах, и что сегодня люди с такими знаниями, как она, станут мало кому нужными, а многие другие люди будут над ними откровенно смеяться. Прямо скажем, осознавать это весьма горько!

Так какое же все-таки жанровое определение следует дать книге М.С. Шагинян «Человек и Время...»? Думается, принадлежность ее к жанру мемуаров (воспоминаний) оспаривать никто не будет: соответствие в полной мере процитированному выше энциклопедическому объяснению мемуаров тут налицо. Присутствуют и эпизоды жизни самого автора и ее родных, друзей, коллег, и воспоминания о встречах и переписке со знаменитыми деятелями культуры (например, Александром Блоком, Андреем Белым, Мартиросом Сарьяном), и действительно очень подробный, поистине глубочайший анализ того, как воспитывали Мариэтту-ребенка и Мариэтту-подростка ее родители и близкие. (Результатом этого воспитания и было, собственно, появление столь поразительно интеллектуального и интеллигентного человека, каким она стала). Однако классическими мемуарами эта книга все же не является. Хотя бы потому, что последовательного изложения автобиографии тут нет. Автор многократно «перепрыгивает» через определенные периоды, рассказывает о чем-то происшедшем позже, и снова возвращается в

прошлое. Более того, решив остановиться на середине 1920-х годов, М.С. Шагинян не раз вспоминала эпизоды, относящиеся к более новому времени, отстоящему подчас от базовой границы, установленной ею самой для своей книги, на 30-50 лет. Является ли это недостатком? На наш взгляд, нет. Потому что структура книги включает в себя элемент, который в литературоведении последних десятилетий XX века получил название «потока сознания». Читатель, прежде всего, конечно, «квалифицированный читатель», вряд ли будет возражать против таких «уходов в сторону», потому что именно в этих «уходах» как раз и содержатся подчас истинные изюминки текста – философские размышления умудренной жизненным и творческим опытом писательницы и глубочайший самоанализ развития ее мышления, – то, что она сама назвала «историей человеческого становления» – ради которых, быть может, и стоит вообще читать эту книгу. А то, что для части читателей сложно понять – ну что ж, позволим себе напомнить замечательную мысль Карла Маркса: чтобы понимать искусство, нужно быть художественно образованным человеком. Простая, но одновременно тонкая и справедливая мысль!

Итак, последняя книга М.С. Шагинян является не просто мемуарами, а, на наш взгляд, *исповедально-философскими мемуарами* пожилого человека, поистине размышлениями «перед заходом солнца». Этот редко встречающийся жанр является уникальным соединением в рамках одной большой книги (более 500 страниц) многих литературных жанров, которыми вполне квалифицированно владела М.С. Шагинян. Она, как известно, выступала во многих жанрах: в поэзии, художественной прозе, включая фантастику и детектив, художественных биографиях, путеводителях, путевых заметках, философских, социологических и публицистических очерках. Но она же являлась автором научных работ, за что и удостоилась академического звания. Элементы всех этих жанров, включая даже поэзию, взаимно и эффектно переплавившись, и стали составляющими синтетического жанра книги «Человек и Время».

Термин «исповедально-философские мемуары» означает литературное произведение в жанре мемуаров, в которых весьма значимую часть – как по объему, так и по важности для читате-

ля – занимают исповедальные авторские размышления публицистического и философского характера, как-то: о смысле жизни вообще и о смысле собственного существования, о взаимоотношениях человека с его родителями, учителями, друзьями, коллегами, о возникающих в общении с ними проблемах. Важнейшее место занимает самоанализ: не только последовательное (а иногда, впрочем, и не очень последовательное) изложение событий своей жизни, а прежде всего анализ того, хорошо или плохо, правильно или ошибочно в данном случае поступил автор-мемуарист, добился ли он поставленных целей или, если не добился, то почему и т.д. Значимое место занимает в таких мемуарах рассказ о том, о чем и почему думал и мечтал в каждый данный момент своей жизни автор. В частности, в книге М.С. Шагинян интересно описано, о чем же «философском» размышляла Мариэтта, будучи сначала гимназисткой, затем студенткой историко-философского факультета высших женских курсов, начинающим журналистом, преподавательницей того, что сейчас назвали бы профессионально-техническим училищем, далее студенткой уже вполне советского высшего учебного заведения – Плановой академии и одновременно уже взрослой молодой женщиной, стремящейся занять достойное место в жизни, причем, в первую очередь в жизни общественной, а потом уже личной. Вот чем отличаются мемуары М.С. Шагинян от мемуаров классического типа, где столь жесткого анализа не только и даже не столько событий, сколько собственного мыслительного процесса, как правило, не бывает. Для подтверждения того, что данные мысли у нее действительно были – и именно в это время – М.С. Шагинян применяла длинные цитаты из ответов на свои письма, с соответствующими датами. Такое встречается нечасто уже хотя бы потому, что редко кто длительное время – многие десятилетия – хранит подобные документы. Причем М.С. Шагинян писала не только о том, *о чем* она думала, но и *почему* именно так думала, кто и как влиял на ее мировоззрение, воспринимала ли она это влияние доброжелательно и позитивно или же спорила с этими людьми... Словом, исповедально-философские мемуары М.С. Шагинян могут, конечно, нравиться или не нравиться как по содержанию, так и по форме, но то, что это – уникальное произведение, значительно расширяющее само

представление о возможностях жанра мемуаров – непреложный факт.

Как журналист-краевед, не могу не высказать несколько слов на близкую мне тему – о роли М.С. Шагинян и ее книги «Человек и Время...» в краеведении пусть и не существующего сейчас как административная единица, но живущего в нашей душе города Нахичевани-на-Дону – яркой в своем прошлом и в настоящем части нашего общего любимого города Ростова-на-Дону. В Нахичевани юная Мариэтта училась в гимназии, потом, живя в Москве, Санкт-Петербурге и даже в Германии, в 1909-1914 годах начинающей журналисткой регулярно сотрудничала в большой ростовской газете «Приазовский край», а в последние предреволюционные годы, во время революционных событий, гражданской войны и сразу после нее, уже взрослой, жила здесь, вглядываясь в городскую жизнь этой переломной эпохи глазами уже зрелого литератора и просто талантливого и неравнодушно-го человека. Здесь она создала семью, родила дочь. Здесь же она работала на скромных, но очень неожиданных и необычных должностях типа инструктора по ткацкому делу. Об этом она написала и в художественной книге «Перемена», и, спустя десятилетия – в своих мемуарах. Они дали всем нам богатый фактический материал о том, каким был город Нахичевань-на-Дону в начале XX века, включая годы гражданской войны и первые годы Советской власти. Многие предположения краеведов М.С. Шагинян подтвердила своими воспоминаниями. Мы не можем не высказать слов нашей искренней признательности Мариэтте Сергеевне Шагинян за ее любовь к нашему городу, за то бесстрашие, с которым она ставила перед властными структурами вопрос о возвращении слова «Нахичевань» из чисто исторического понятия в административное, пусть и в рамках теперь уже не города Нахичевани, а Нахичеванского района города Ростова-на-Дону. Что ж, время и жизнь идут, и примеров объединения рядом находящихся городов в России десятки. Но и забывать свою историю нельзя.

Мы должны завершить начатое Мариэттой Сергеевной Шагинян дело, и первым конкретным шагом в этом направлении вполне может стать предложенный и даже архитектурно разработанный памятный знак объединению Ростова и Нахичевани

на бывшей границе двух городов у входа в нынешний парк имени Вити Черевичкина. Тем более что этот вопрос уже обсуждался и получил одобрение Ростовской городской межведомственной комиссии по памятникам. Проект памятного знака, выполненный в управлении главного архитектора Ростова-на-Дону, представляет собой обелиск, боковые стойки которого несут прежнюю геральдику двух городов и даты их создания, а верхняя арка, эффектно соединяющая стойки – дату объединения: 28 декабря 1928 года. Вопрос сегодня – в финансировании этого проекта. Будет правильным и оптимальным решить его в 2018 году, когда исполнится 90 лет объединению двух городов-соседей. В 2019 году исполнится 270 лет Ростову-на-Дону и 240 лет – Нахичевани. Все это – важные даты в истории нашего города. Надеюсь, у ростовских бизнесменов, прежде всего с нахичеванскими и вообще армянскими корнями найдутся средства для того, чтобы помочь в этом деле.

Есть еще одно предложение. Сегодняшний читатель практически не знаком с книгой М.С. Шагинян «Перемена», в которой интересно, почти документально описаны события в революционные годы в Нахичевани! Конечно, в большом собрании сочинений М.С. Шагинян «Перемена» есть. Но наши Шагиняновские чтения вызвали новый интерес к этому произведению в кругах сегодняшних ростовчан. А собрание сочинений вышло давно, раздобыть его практически невозможно. О новом же собрании сочинений сейчас говорить, к сожалению, не приходится. Давайте же к следующим чтениям издадим эту небольшую книгу о нашем городе – скромно, но достойно. С хорошим, поясняющим предисловием.

Будучи армянкой по национальности, Мариэтта Сергеевна Шагинян почти всю свою жизнь прожила в России и СССР. Она многое сделала для сближения России и русского народа с народами Закавказья, и прежде всего Армении. Мало кто знает, что она являлась автором одного из лучших путеводителей по Армении, вышедшего вскоре после Великой Отечественной войны. Он не утратил своей ценности даже сейчас, спустя более 60 лет. Одинаково любя нашу великую многонациональную Родину, она, наверное, и сейчас тратила бы свой талант и неумную энергию благородному делу укрепления дружбы России и

Армении, русского и армянского народов. Мы, сегодняшние ростовчане, вправе гордиться тем, что именно с нашим городом связаны яркие страницы жизни этого интеллигентного, талантливого и светлого человека.

Литература

1. *Кабанов В.В.* Источниковедение советского общества. Курс лекций. М., 1997.
2. Мемуары. «Большая Советская Энциклопедия». Изд. 3-е. Т. 16. М., 1974.
2. Мемуары. Большая Российская Энциклопедия. Т. 19. М., 2012.
3. *Серебряков К.Б.* Уроки жизни. (О М.С. Шагинян). М., 1977.
4. *Шагинян М.С.* Человек и Время. «Советский писатель», М., 1982.
5. *Шагинян М.С.* Собрание сочинений в 9 томах. М., «Художественная литература». 1971-1975.
6. Шагинян Мариэтта Сергеевна. Большая Советская энциклопедия, изд. 3. Т. 29. М., 1978.

ОБРАЗ УЧЕНОГО В НАСЛЕДИИ М.С. ШАГИНЯН

Во время Великой Отечественной войны Мариэтта Сергеевна Шагинян по заданию редакции оказалась на Урале, где в глубоком тылу ковалась Великая Победа советского народа над фашизмом. Ковалась она руками умелых сталеваров-прокатчиков и мартеновцев, термистов, сварщиков и печников, а также подростков и молоденьких девчонок в промасленных телогрейках. Трудились они по 10-12 часов в смену. Трудились под лозунгом: «Всё для фронта!», трудились ради Победы. Отсюда на фронт отправлялись эшелоны со снарядами, с танками и иной бронированной техникой. Здесь Мариэттой Сергеевной была написана серия очерков «Урал в обороне»: «Дела и люди Урала», «Урал в Отечественной войне» и др. Но в этой серии имеется и очерк «Три портрета» (1943), в котором речь идет об академике Владимире Леонтьевиче Комарове, знаменитом ботанике, об академике Александре Александровиче Байкове, известнейшем химике, и академике Владимире Афанасьевиче Обручеве, прославленном геологе. Эти ученые, находящиеся уже в преклонном возрасте, были эвакуированы из блокадного Ленинграда. Здесь на Урале они продолжали свои занятия наукой. Каждый из них в своей научной области тоже трудился ради Победы.

Как известно, *наукой* называется та форма духовной деятельности людей, направленная на производство знаний о природе, обществе и технике, которая имеет своей непосредственной целью постижение истины, открытие объективных законов на основе обобщения реальных фактов в их взаимосвязи, для того чтобы предвидеть тенденции развития действительности и способствовать ее изменению. Однако наука развивается не только от одного открытия к другому, от одной теории к другой. В развитии науки неизменно участвует особый тип человека – исследователя, который, как гражданин, эволюционирует вместе с изменением общества и, в свою очередь, сформированный им образ жизни влияет на научные методы, постановку проблем и их решения в теории, проведение эмпирических опытов, участие в поисковых экспедициях, т.е. на весь характер научной работы.

Из логической канвы мысли М.С. Шагинян ее «Трех портретов» выдающихся академиков выделю лишь те темы, которые характеризуют образ ученого, положившего свою жизнь на алтарь Отечества, и объединяют научную деятельность трех замечательных советских естествоиспытателей.

Во-первых, причастность трех академиков методологии научного исследования, и вообще служению Науке и народному благосостоянию России, которая была заложена великим русским ученым Дмитрием Ивановичем Менделеевым.

Во-вторых, выработка научных методов и приемов обобщения собранного ими эмпирического материала, доведенного до теоретических конструкций, которые служили укреплению экономического могущества нашей Родины и ее народов.

Как свидетельствовала М.С. Шагинян, академик В.Л. Комаров «никогда не был оратором в подлинном смысле этого слова. Но он был необычайно чисто и ярко реагирующим интеллектом». «Комаровское слово», сказанное на людях, сочетающее «почти детскую непосредственность» с точностью формулировки, точностью «умственного вывода» заставляло слушателей торжественных ученых заседаний или юбилейных событий входить в атмосферу предельной искренности, душевной чистоты и честности, которая покоряла их. «За комаровской взволнованностью», напоминающей скорее «художника, нежели ученого, неизменно вставал большой ученый, вставал интеллект, дававший точное обобщение и заставлявший слушателя после эмоциональной разрядки что-то очень глубоко понять» [1, 600].

Возьмем, к примеру, небольшую речь В.Л. Комарова, произнесенную в ученом собрании по поводу юбилея великого русского химика Д.И. Менделеева. В самом начале речи В.Л. Комаров обратился к аудитории с предложением назвать «менделеевской» целую эпоху в науке и спросил: «Согласны, товарищи?» На этот вопрос аудитория ответила одобрительным согласием. В течение нескольких минут, начав с образа ученого, через анализ его экономической, а затем и научной деятельности, выступающий открыл перед слушателями хозяйственные и научные перспективы нашей страны, которые не были использованы во времена Д.И. Менделеева, но, несомненно, оставили след для будущих поколений, чем дал аудитории возможность пережить огромный ком-

плекс чувств и мыслей. Заговорив сначала об экономических работах Д.И. Менделеева, а лишь во вторую очередь о химической науке и о его Таблице химических элементов, В.Л. Комаров создал совершенно необычный образ прославленного ученого. «Раздвинулось время, из прошлого вырос мост в будущее, в зал вошел новый, близкий, мгновенно освещенный светом современности Менделеев, и слушатель никогда больше не потеряет чувства близости к нему». Так умел В.Л. Комаров во всей своей непосредственности «сквозь эмоцию, поднятую в слушателях», – писала М.С. Шагинян, – провести четкую познавательную мысль. И получалось это у Владимира Леонтьевича потому, что сам он «был цельным человеком», за которым стоял огромный опыт «глубокого ученого и мыслителя, никогда не перестававшего быть гражданином» и остававшегося таким «цельным человеком» до последнего дня своей долгой жизни [1, 603-604].

Еще с гимназических лет он увлекся ботаникой, в университетские годы познакомился с трудами Дарвина, слушал лекции Лесгафта по анатомии. Два лета подряд (1892, 1893) в географо-ботанических поездках по Средней Азии он пешком исходил Зеравшанский хребет, изучал среднюю часть бассейна реки Амура (1895), исследовал Приморье и Маньчжурию (1896), Северную Корею (1897). В.Л. Комаров путешествовал по Восточным Саянам к озеру Косогол (1902), изучал Камчатку (1908-1909) и Южное Приморье (1913). После 1917 года он вновь исследовал флору Средней Азии, а в 72-летнем возрасте, «по-прежнему живой и общительный, страстно отдающийся природе», объехал Казахстан и Киргизию по маршруту Пржевальского.

Плодом этих путешествий стало огромное количество его ученых трудов. Специалисты называли В.Л. Комарова «первым ботаником Советской страны». От ранних ученых публикаций о флоре Зеравшана (1894), трехтомного труда «Флора Маньчжурии» (1901), «Введения к флорам Китая и Монголии» (1908), от книг о флоре Южно-Уссурийского края (1917), о растительности Сибири (1924), Якутии (1926), Предбайкалья, Камчатки, Дальнего Востока (1931) и Таджикистана (1934) до многотомного издания «Флоры СССР» В.Л. Комаров неутомимо трудился над изучением, описанием и систематизацией растений нашей Родины, открыл и систематизировал тысячи неизвестных до него ви-

дов. Систематизируя флору Маньчжурии методами палеонтологии, он рассмотрел эволюцию ее растительности; путешествуя на озеро Косогол и изучая флору Северной Монголии, он проявил себя отличным географом. «Широта научных интересов, умение целостно взглянуть на изучаемые явления», – подчеркивала М.С. Шагинян, – позволяла ботанику-дарвинисту пользоваться методами геологии, географии, палеонтологии и климатологии, «расширяя задачи своих ботанических исследований». Более того, в статье о В.Л. Комарове академик Ферсман отмечал, что Владимир Леонтьевич «поднял идею систематики на высоту глубоких теоретических и хозяйственных проблем». В списке его ученых трудов, включавших не одну сотню наименований, М.С. Шагинян усмотрела главную, основную цель многолетних трудов В.Л. Комарова – постоянное приложение научной истины «на пользу человеческого общества» [1, 606-607].

Так, в годы Первой мировой войны обострился спрос на лекарства, импорт которых резко сократился. В.Л. Комаров опубликовал статью «Что сделано в России в 1915 году по культуре лекарственных растений». В гражданскую войну остро встал вопрос о питании, В.Л. Комаров в журнале «Природа» напечатал несколько статей о клубнях картофеля. Это свойство Владимира Леонтьевича – думать о человеке, «поднимать научный вопрос до высоты хозяйственных проблем» – характерная черта ученого.

Проблема роли науки в народном хозяйстве обострилась для В.Л. Комарова, руководившего Академией наук СССР, и раскрыл он ее, как никогда раньше, именно в годы Великой Отечественной войны. В «Комиссию по изучению и мобилизации ресурсов Урала» он сумел сплотить людей самых различных специальностей: геологов и горняков, географов и гидротехников от практиков до исследователей, «сумел зажечь их горячим патриотизмом, увлечь их романтикой большого, нужного Родине дела», и тогда проявилось «вдохновенное, коллективизирующее творчество науки в помощь обороне Родины». Комиссия, созданная В.Л. Комаровым, провела комплексное исследование Урала и Казахстана, «выявила много необходимых нам сырьевых запасов, помогла найти и поставить выработку целого ряда дефицитных руд, и эти работы влились в оборонную промыш-

ленность Урала, помогли поставить ее на высоту исторической задачи, стали одною из сил, приведших к разгрому врага» [1, 612].

На том же юбилейном вечере академик А.А. Байков произнес речь о Д.И. Менделееве, лекции которого по химии он посещал, будучи студентом Петербургского университета. Д.И. Менделеев «подметил и выделил молодого Байкова, с которым был потом дружен до конца своих дней». В сущности, А.А. Байков также говорил о большом пути, на который вывел нашу страну Д.И. Менделеев, но повествовал о химии в специальных терминах этой науки. Опираясь на его труд «Основы химии», А.А. Байков выделил в нем три основные идеи: тесную связь химии со всем естествознанием; унитарность химии, которая рассматривает сложное вещество как единое целое, дающее в зависимости от условий различные превращения; и лишь в третью очередь, идею закономерности природы в менделеевском «Периодическом законе...». В такой же последовательности развивалась научная деятельность и самого А.А. Байкова. «Он развил идеи новой дисциплины – металлографии, применил к металлургии законы точной науки – физической химии; сумел практические вопросы закалки, термической обработки, выплавки разных марок стали возвести к чудесной и совершенной точности строгой науки или, наоборот, – из самого строго научного мышления, из мира математических формул размотать клубок животрепещущих проблем нашего металлургического хозяйства» [1, 615-616].

На первый взгляд неспециалиста в области металлургии даже названия научных трудов академика А.А. Байкова покажутся деловито сухими сообщениями и отпугнут любого неподготовленного в желании ознакомиться с их содержанием: «Кристаллизация и структура стали», «Плавки медных руд в шахтных печах», «Тройная диаграмма: медь – сера – железо», «Строение стали при высоких температурах», «О полиморфизме никеля» и др. Но «кто не убоится своей собственной неподготовленности, – предупреждала М.С. Шагинян, – тот увидит, начав читать любую из этих специальных статей, что перед ним самое настоящее чтение, по прозрачности, ясности, удивительной стройности изложения». Читатель окажется «приобщенным к неизвестной области», пожелает «мыслить в ней дальше, подхватывать аналогии, которые эта статья подсказывает, и вдруг страшно заинтересовывается ее

проблемами, ибо такова уж «прозрачность стиля, связанная с точностью языка и экономичностью построения статьи», которая вытекала у А.А. Байкова из «характера его мышления» [1, 616-617]. Вот лишь один ответ на вопрос человеку, который совершенно ничего не знает ни о сплавах меди и сурьмы, ни о явлениях закалки в них, ни того, что такое закалка?

«Явления закалки относятся к случаям так называемого «ложного равновесия», – писал молодой соискатель адъюнктской диссертации (1903). – «Ложным равновесием» называется такое состояние материальной системы, когда отсутствие каких-либо изменений или превращений в системе обуславливается не тем, что внутренние силы системы находятся в равновесии с внешними условиями, но тем, что при данных внешних условиях превращение вообще не может совершаться ни в том, ни в другом направлении».

А вот что спустя тридцать лет писал А.А. Байков в статье «Высококачественная сталь и ее характеристика»:

«Когда мы имеем массу расплавленного металла в печи, в конверторе, в тигле – в приборе, в котором готовим сталь, – то эта масса расплавленного металла – стальная ванна – имеет сложную и интересную жизнь. Она все время живет, она не остается без изменения, в ней все время происходят различные процессы... Когда мы совершенно остановим все эти процессы газообразования, когда сталь станет совершенно безжизненной, она будет обладать наилучшими свойствами: она, вытекая из печи и застывая в изложницах, никаких выделений газов не будет обнаруживать... Такая мертвая сталь является идеалом, к которому металлургия должна стремиться».

Так суметь подать «сухую специальную тему – значит подать ее на высоком уровне мышления», – восклицала по этому поводу М.С. Шагинян, – не «изолированного», не двигающегося «в ограниченных пределах данной специальности, а связанного с пониманием всех смежных наук» [1, 620]. Основное качество научного мышления академика А.А. Байкова – доводить каждое дело до конца, додумывать каждую мысль до предельной ясности и завершенности, превращая ее в формулу, в закрепление опыта, годного для перехода в общее пользование.

Академик А.А. Байков возглавлял кафедру общей металлургии и металлографии в Политехническом институте Ленинграда, в котором «металлургия впервые преподается как обязательный предмет», открыл при ней лабораторию. Сотни металлургов страны побывали в этой лаборатории, изучая опыт наставника; сотни выпускников этой кафедры разлетелись по всей стране (в том числе и на металлургические заводы Урала), выполняя огромное количество работ, «задуманных и подсказанных учителем». А.А. Байков оказал «огромную практическую помощь советскому строительству, а во время войны обороне Родины», научный и практический опыт его «пригодился Уралу как никогда раньше». Здесь гениальный металлург сделался «хозяином сплавов, творцом огромного количества марок стали... в этом царстве мертвого качества» [1, 621]. В дни Великой Отечественной войны умение создавать необходимую марку стали во многом решало судьбу оборонного заказа страны.

Многие эвакуированные на Урал ученые «чувствовали себя вышибленными из привычной колеи, должны были привыкать к походному быту, к отсутствию нужных рукописей, драгоценной библиотеки и годами собранных материалов, без которых, казалось, невозможна никакая научная работа». Многие ученые, но не Владимир Афанасьевич Обручев, семидесятивосьмилетний геолог, который не нуждался в долгом приспособлении к новому месту. «Как только поднимется в отведенный ему номер гостиницы, вынет старую чернильницу темнокоричневого цвета, – писала о нем М.С. Шагинян, словно хозяйкою встречала его в этом необжитом номере, – расположится на ночлег, ... зажжет свои свечи», так сразу же и приступит к работе с увлечением, словно не переставал он находиться в привычном городском кабинете даже без «обширного картографического собрания в ящиках». «Он начал свою работу буквально со дня приезда». Владимир Афанасьевич привез с собою «на Урал особую «библиотеку» – собственную память. Поразительна эта память! Ученый верно хранит в ней не только факты и даты, но и связи явлений, последовательность событий» полувековых геологических путешествий [1, 624]. С юношеских лет выпускник Петербургского Горного института начал тренировать свою память, когда, казалось бы, даже обычная прогулка по незнакомой местности не одними

только ногами, но и мысли, глаза и память подмечают, соображают, запоминают и откладывают в голову научные знания, как необходимый багаж по топографии и геологии нового района.

Здесь, на Урале, через шестьдесят лет после своей первой уральской экспедиции, «по памяти» он написал работу о «Горной разведке в старое время», которая «как бы закруглила его длинный жизненный путь». Затем «по памяти», не имея записей «из дневников прошлого», он «засел, наконец, за точное описание своих путешествий по Туркмении». «Попробуем заглянуть ему через плечо в эти заветные листы», – продолжала свой излюбленный прием «хозяйка номера» и «увидела», как «Владимир Афанасьевич пишет их по вечерам ...прямо начисто, чаще карандашом, молодым, необычайно разборчивым, ясным и сжатым почерком. Когда, в редких случаях, рука позволит себе перегнуть мысль или придет на ум более счастливое выражение и Обручев захочет поправить написанное, он не зачеркивает нагрешившее слово, не оставляет его на бумаге, а попросту крепко стирает мягкой резинкой ...и вписывает новое» [1, 627-628].

Вернувшись из Туркмении, В.А. Обручев занял место штатного геолога в Иркутске, откуда отправлялся в горную разведку угля на Оке, слюды и, главное, золота в Олекминско-Витимском золотоносном районе. По золоту В.А. Обручев – крупнейший специалист страны, его «десятки лет приглашали для консультирования на все имеющиеся у нас месторождения золота» и он немало поработал над изучением «новых золотоносных районов» [1, 629]. В Иркутский период жизни В.А. Обручеву удалось, наконец, осуществить свою юношескую мечту – побывать в Китае, куда еще студентом его потянуло после прочтения сочинения Рихтгофена «Китай», написанного стилем подлинно научного описания, снабженного четкими геологическими рисунками и уточненными картами отдельных его районов. В.А. Обручев путешествовал по Китаю не по уже пройденным Рихтгофеном дорогам и тропам, а изучал геологию, строение почвы, движение песков, тектонику горных хребтов еще неописанных им мест.

В списке его трудов, далеко превышающим 300 наименований, М.С. Шагинян разглядела «определенный ритм. Несколько лет идут небольшие, деловые публикации, свидетельствующие о непрерывной полевой исследовательской работе геолога-

практика и путешественника, потом издается монументальный труд, суммирующий всю предыдущую работу, которая как бы служила для него по сравнению с техникой живописца рядом подготовительных этюдов. Далее опять следуют отдельные деловые публикации, – и опять синтетический, очень объемный труд. Так на протяжении своей насыщенной трудом жизни академик Обручев создал для нас замечательные «Путешествия» по Центральной Азии», единственное в литературе описание пограничной с Китаем земли Джунгарии и «классический свод всего, что написано было о Сибири» [1, 635].

«Трудно поверить, и это звучит невероятно, но это именно так: за неполные два года своего пребывания на Урале академик Обручев написал... около ста двадцати печатных листов!» [1, 636]. Чтобы в семьдесят девять лет трудиться в науке с такой продуктивностью и при этом сохранять юношескую память и свежесть мысли, надо до чрезвычайности дисциплинировать свой режим рабочего дня. В.А. Обручев чувствовал время почти зрительно, – каждая минута ему была дорога. Словно обращаясь к будущим поколениям молодых ученых, М.С. Шагинян на примере В.А. Обручева описала режим дня ученого. Владимир Афанасьевич рано вставал, неизменно делал физзарядку, после которой начинал свой день, – «вернее четыре дня в сутки. Одновременно он ведет три-четыре работы. Для самой трудной, требующей особого внимания, отводятся утренние часы». После прогулки – работа библиографическая или журнальная. Вечером, после коротенького отдыха, – работа над записками или романом. При такой почти нечеловеческой загруженности В.А. Обручев находил время, чтобы писать для юношества научно-приключенческие романы «Земля Санникова», «Плутония», «Занимательную геологию», ходить по библиотекам и спрашивать литературу «о летательных машинах» для нового научного романа для ребят. Привычке В.А. Обручева «следовало бы поучиться каждому работнику умственного труда!» – восклицала М.С. Шагинян. Он никогда не был в положении что-то потерявшего, не знал, куда заглянуть и где порыться, чтобы найти нужные книги или бумаги. Переход от одной работы к другой лишнего времени не отнимал: его рабочее место всегда в порядке. «На подготовку к труду не тратится и пяти минут. Каждой теме

отведен свой ящик, каждой книге свое место в шкафу. Кончена одна тема, и тотчас же, не выходя из комнаты, Владимир Афанасьевич аккуратно убирает рукописи и книги, каждый клочок бумажки туда, где им положено быть. Старое убрано на свое место, новое достается оттуда, где оно в порядке лежит» [1, 637].

Конечно, важнейшей функцией науки является функция описания явления и проникновения в его сущность с целью открытия научного закона. Но великий Д.И. Менделеев привнес в отечественную и мировую науку еще и функцию предвидения, т.е. прогностическую функцию. В открытой им «Периодической системе...» для некоторых химических элементов он оставил пустые клеточки, в силу того, что наука его времени не могла открыть этих элементов. Химия XX столетия с ее мощными приборами и уточненным оборудованием смогла значительно заполнить пустые клеточки менделеевской «Системы...», реализовав тем самым прогностическую функцию науки.

В огромном творческом наследии В.А. Обручева, особенно в его пятитомной «Истории геологических исследований Сибири», русский ученый мечтал, прогнозируя, что «через пять – десять лет будет практически решен вопрос об использовании тепла земных недр в качестве неистощимого источника энергии, и в приполярном поясе Союза будут строиться города, заводы и теплицы, обслуживаемые этой энергией». И он изо дня в день трудился для реализации этой мечты. Так, «для оборонной промышленности Урала срочно нужно было решить проблему одного марганцевого месторождения, и, когда Обручеву дали просмотреть одну работу и высказаться по ней, старый ученый тотчас нашел и припомнил все нужные справки, всю имеющуюся литературу, – и данный им прогноз оказался совершенно правильным. Жажда предвидения, отгадки, обобщения, – констатировала М.С. Шагинян, – это черта вечной молодости Владимира Афанасьевича Обручева» [1, 636, 638], всегда нацеленного на достижение народного блага, чему должна способствовать любимая им Наука.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Три портрета // Мариэтта Шагинян Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М., 1956. С. 600-638.

**ПОД ЗНАКОМ «ДУХОВНОГО ТРУДА».
МАРИЭТТА ШАГИНЯН В 1908-1913 гг.**

Первый период вхождения Мариэтты Шагинян во взрослую жизнь, в многотрудную ситуацию 1908-1913 гг., проходило, как она писала, под знаком «духовного деяния», «духовного труда» [4, 170] – так писательница определяет этот первый и, возможно, наиболее трудный, но и плодотворный период своей жизни. Двадцатилетней девушкой она вошла в сложнейшую духовно-нравственную атмосферу Москвы. Это было время, когда схлынуло напряжение революционных страстей и все общество, и в особенности молодежь, пыталось понять пути дальнейшего существования России.

Жизнь М.С. Шагинян, как внутренняя, так и внешняя, чрезвычайно насыщенная событиями, прошла сквозь эпохальные исторические разломы – все это нашло отражение в ее художественных, публицистических, научных произведениях. Ее творческий путь целесообразно разделить на три периода: *первый*: 1908-1923 гг., (сб. стихов «Первые встречи» 1909, "О блаженстве имущего. Поэзия З.Н. Гиппиус" (1912); «Две морали» (1914), сборник стихов «Orientalia (1913), «Путешествие в Веймар» (изд. в 1923), сборник рассказов «Узкие врата» (1914) и «Семь разговоров» (1916), «Литературный дневник» (1923), роман «Своя судьба» (написан в 1916, изд. 1923), а также ряд пьес символического характера (1918, изданы только в 1935). Все они написаны в русле культур-философских течений начала XX в.

Второй период 1923-1930 гг. относится уже ко времени становления советской действительности, которая в полной мере отразилась как в тематике, так и жанровых экспериментах и новшествах: («Перемена», 1923), рассказ «Агит-вагон» и повесть «Приключение дамы из общества» (19??) агитационную трилогию «Месс Менд» («Янки в Петрограде», «Лори Лэн, металлист», «Дорога в Багдад» (1924-1925), «роман-комплекс» «Кик» (1929), «производственный» роман «Гидроцентральный», 1930).

Третий период – 1930-1982 гг. – ознаменован работой над биографией семьи Ульяновых, активной публицистической деятельностью, созданием научной и мемуарной литературы: роман-хроника «Билет по истории» появился в журнале «Красная новь» (1938. № 1), «По дорогам пятилетки» (1947), «Путешествие по Советской Армении» (1950), «Зарубежные письма» (1964). «Тарас Шевченко» (1944, за эту работу писательница удостоена степени доктора филологических наук), «И.А. Крылов» (1944), «Этюды о Низами» (1955), «Гете» (1959), «Дневники, 1953). «И. Мысливечек. Воскрешение из мертвых» (1963), сборник статей «О Шостаковиче» (1979), «Семья Ульяновых»: «Рождение сына» (1938, 1957), «Первая Всероссийская» (1965), «Билет по истории» (1969), «Четыре урока у Ленина» (1970), и последняя книга воспоминаний «Человек и время. История человеческого становления» (1980).

С первых же шагов она проявила себя как мыслящий, ищущий, самостоятельный в своих взглядах и духовных устоях человек. Масштаб ее личности был виден уже тогда. В горниле духовных исканий выплавлялась неповторимая индивидуальность, неслучайно она избрала историко-философский факультет Высших курсов Герье, ибо с ранних лет задавалась «больными» вопросами бытия. М.С. Шагинян была в эпицентре религиозных, эстетических, интеллектуальных течений российской и московской действительности того времени, что отнюдь не было случайным или стихийным: в этом сказалась ее человеческая активность, восприимчивость ко всему происходящему. Переписка с выдающимися людьми тех лет, с которыми сводила судьба будущую писательницу, и ее воспоминания представляют уникальные свидетельства эпохи.

М.С. Шагинян проявила себя как мыслящий, ищущий, самостоятельный в своих взглядах и духовных устоях человек. Масштаб ее личности был виден уже тогда. Формировалась Мариэтта Шагинян как мыслитель в атмосфере Серебряного века, когда гуманитарная культура, достигшая особой изысканности и рафинированности, ознаменовалась множеством дарований – гениев и просто талантливых людей, – но всегда тонких и своеобразных художников. Она обладала интеллектом, позволяющим вести диалог с вершинными личностями эпохи, была полноценным и

активнейшим участником литературного процесса. Пережив несколько мировоззренческих перестроек, она всецело и искренне (как и многие из поколения наших отцов и дедов) стала сторонницей коммунистической идеологии, поменяв в корне направление своего творчества.

Неустанный идейно-нравственный поиск – одна из основных черт ее внутренней биографии, он отразил в себе глубину и разнообразие философских и мировоззренческих интенций времени и не менее судьбоносных переустройств общества и сознания.

Годы жизни в Москве и учебы на высших курсах Герье, стали настоящими университетами жизни для М.С. Шагинян. Невольно задаешься вопросом: как еще совсем юная, вчерашняя гимназистка, можно сказать провинциалка, хотя родилась и до тринадцати лет росла в Москве, становится корреспондентом – собеседником, сомыслителем! – выдающихся личностей, художников, творивших эпоху? В силу таланта ли, прорывающегося уже не тонким ручейком, а бурным потоком, изливающимся на бумагу в самых различных жанрах: стихов, прозы, очерков, эпистолярном, в том числе в форме писем, которые они с сестрой называли «регламентациями», страстной природы ли, спешащей жить и чувствовать, природной неумемной потребности познавать, понять, осмыслить, либо еще каким-то присущим ей чертам характера? Она сдружилась со многими представителями тогдашней московской интеллигенции, причем все они становились не просто официальными знакомыми, но душевно близкими, заинтересованными в ее судьбе и в общении с ней людьми. М.С. Шагинян писала об этом: «Кто только сюда не захаживал! Дом Феррари и вправду стоил бы почетной доски с надписью» [4, 195]. Во всем калейдоскопе имен и эпизодов, ею рассказанных, нам важно выделить те, которые как-то влияли на формирование М.С. Шагинян-поэта и мыслителя. Картина тогдашней интеллектуальной жизни московской интеллигенции выпукло прорисовывается в эпизодах ее личных взаимоотношений – с Михаилом Новоселовым, Андреем Белым, Владиславом Ходасевичем, Зинаидой Гиппиус, Дмитрием Мережковским, Сергеем Рахманиновым, Сергеем Булгаковым, Павлом Флоренским.

Начальный период жизни и творчества М.С. Шагинян представляется не менее интересным и ценным, чем последующий

советский, которому она служила со всей страстностью и искренностью своей ищущей натуры, как с точки зрения художественных обретений, так и в качестве фигуранта историко-культурного процесса того времени.

М.С. Шагинян выделила шесть эпизодов своей личной жизни того периода (1907-1909 гг.), которые происходили почти одновременно и по «катастрофичности» вызванных ими переживаний, один не уступал другому: учеба (лекции и семинары М.Д. Виноградова, Г.Г. Шпета, Н.И. Радцига), репетиторство, писание статей в газету «Приазовский край», «Новое слово»; кружок М.А. Новоселова, «вторники» Литературно-художественного кружка, переписка с З. Гиппиус, переписка с А. Белым [4, 224]. Время создания первого поэтического сборника было временем и бурного личностного роста, и обретения опыта, и серьезных душевных и мировоззренческих потрясений. Как всегда пути переплавки жизненных впечатлений и поэзии причудливы и не поддаются однозначному истолкованию, но очевидно то, что в это время М.С. Шагинян уже проходила суровую жизненную и профессиональную школу.

В молодости будущая писательница была человеком религиозным, и искания в этой области на том этапе сыграли существенную роль в перипетиях ее духовной жизни. Как-то она, еще до приезда в Москву, увлеклась Ригведой. Картина сотворения мира, рассуждения древних о начале начал, вызывали удивление: и тогда, тысячелетия назад человеческий ум был настолько гибок, что был способен абстрактно мыслить, формулируя таким образом: «пустота в пустоте», «было – не было». Уже тогда давал знать ее философский склад ума, впоследствии ничуть не замутнивший художественного творчества. Впоследствии в ее стихах образ Времени займет значительное место.

Хотя философия не могла обеспечить ей средства на жизнь, она все-таки избрала именно это направление, ибо, видимо, настолько острой была потребность, понять, сориентироваться, и, как она сама формулировала, «почти чувственная страсть к познанию» ей до конца жизни не давала покоя. Оказавшись в элитарном кругу – «среда – дело очень большое» – зажиточных слушательниц, преподавателей «неокантианцев», она попадала под влияние неохристианских учений. «Поиски мирозерцания,

дающие положительное чувство мира, ...от остро чувствуемой собственной обездоленности, и социальной, и биологической, – заставляли меня постоянно хотеть разрешать на бумаге противоречия, для меня не разрешимые в жизни» [5, 18].

По приезде в Москву, она познакомилась с Михаилом Александровичем Новоселовым, создателем «Религиозно-философской библиотеки». В 1907 г. он организовал в Москве строго православный «Кружок ищущих христианского просвещения», заседания которого проходили на его квартире (так называемые «новоселовские четверги»). В состав кружка входили священники Павел Флоренский и Иосиф Фудель, Ф.Д. Самарин, А. Кожевников, С.Н. Булгаков, П.Б. и С.Б. Мансуровы, Н.Д. Кузнецов, Ф.К. Андреев. М.С. Шагинян, активно посещая заседания кружка, нашла там для своих юношеских исканий благодатную почву. Попытки понять мир сквозь призму религиозных представлений стали для нее первым серьезным испытанием. Впоследствии она написала в своих воспоминаниях: «М.А. сыграл в моей жизни большую и страшную роль» [4, 250]. По ее же определению, тема «неблагополучия мира», заняла одно из ведущих мест в ее творчестве [4, 13].

Юный мыслитель пытался найти ответы в религии, однако на все ее вопросы современные ей духовно-нравственные и философские системы, в большом количестве возникающие в русской действительности после революции 1905 г., ответа так и дать не смогли. Вся европейская мысль начала века была в поиске новой парадигмы «Человек-Мир-Бог». В кружке М.А. Новоселова М.С. Шагинян знакомится с Павлом Флоренским, Сергеем Булгаковым, заочно с несомненным авторитетом для кружковцев – Н.А. Бердяевым: общение с интереснейшими людьми времени, несомненно, дало свой результат. Однако со временем, ощутив некоторую фальшь новоселовских мировоззренческих построений, она начала тяготиться атмосферой кружка: живая ее душа противилась всяким ограничениям («больше всего на свете я любила свободу») и в итоге она восприняла религиозность как обеднение сознания и души, христианскую предопределенность – как препятствие на пути человеческой инициативы.

К периоду жизни в Москве, а затем и в Петербурге, относятся многообразные знакомства М.С. Шагинян с литературной боге-

мой и художественной интеллигенцией. Раз за разом возникают удивительные отношения с поэтами: дружбой с Вячеславом Ходасевичем, дружбой-влюбленностью с Андреем Белым, дружбой-поклонением с Зинаидой Гиппиус, чуть позже с композитором Сергеем Рахманиновым, Николаем Метнером и его братом Эмилем, с которым связаны драматическая история любви молодой М.С. Шагинян, переписка с Александром Блоком.

В то время М.С. Шагинян, будучи уже опытным корреспондентом нескольких газет «Приазовский край», «Бакинский рабочий» и др., познакомилась в Москве с издателем «Русского слова» Сергеем Яблоновским, дружба и сотрудничество с которым продлилась на многие годы. Супруги Яблоновские опекали ее, ввели в литературные круги. Они подарили ей абонемент на заседания Литературно-художественного кружка. Посещения «вторников» стало для нее обязательным.

История знакомства М.С. Шагинян с Владиславом Ходасевичем также показательна для понимания ее страстной и неравнодушной натуры. Прослышав о невероятных отношениях В. Ходасевича с супругой, якобы он ее истязал и тиранил, а такие небывлицы были в ходу в тогдашней поэтической среде, она вызвала его на дуэль [1, 137]. Все закончилось миром и на долгие годы они стали друзьями. Несмотря на несколько ироничные воспоминания В. Ходасевича впоследствии, он в то время был частым гостем в доме Феррари. Во время долгих посиделок читал стихи, а читал он, вспоминала М.С. Шагинян, неподражаемо. Ритмический рисунок чтения В. Ходасевича стихотворения А.С. Пушкина «К музе» позже она воспроизвела в своем анализе для Сергея Рахманинова, когда в 1910 г., по его просьбе подбирала ему стихи для цикла романсов. Романс «К музе» С.В. Рахманинов посвятил Мариэтте Шагинян. Ей же, посвятил свой романс «К музе», написанный на те же слова А.С. Пушкина, Николай Метнер, с семьей которого был связан значительный и важный период жизни М.С. Шагинян.

Неоднократно на заседаниях Литературно-художественного кружка М.С. Шагинян слушала выступления мэтра символистского течения, и как многие, была под впечатлением его неординарной личности и поэзии. «Мы все в те годы поклонялись Валерию Брюсову», – написала она впоследствии [4, 203]. Атомо-

сфера эпохи, когда художники не только творили в соответствии со своими эстетическими представлениями, но и жили, создавая особую атмосферу, отрешенную от пошлости существования, замечательно переданы в эпизодах рассказанных М.С. Шагинян: «Брюсов как никто другой подходил под титул «мэтра». Мастер, мэтр – недостижимый в поэзии, в прозе, в критических оценках. Недоступный. Окруженный легендами. Тот из-за кого молоденькая поэтесса, полная жизни, – словно в книге – застрелилась. Тот, кто сказал, что все в этой жизни – лишь средство для «певучих стихов». И в том, как он выглядел, некрасивый и чопорный, жесткий и требовательный, было особое обаяние для молодежи». М.С. Шагинян особо подчеркивала эпизод его посещения Врубеля, как характеризующий натуру Брюсова-поэта и человека: «к умирающему, душевнобольному Врубелю Брюсов пришел в больницу и убедил его – написать с него портрет. Он позировал перед больным. И Врубель написал гениальный портрет» [4, 203]. Творческое восприятие поэзии В. Брюсова, несомненно, отразилось на первом сборнике стихов М.С. Шагинян «Первые встречи».

К этому периоду жизни в Москве, к декабрю 1908 г., относится одно из первых серьезных душевных потрясений молодой М.С. Шагинян – знакомство, переписка и взаимоотношения с Андреем Белым. Она увидела Белого, «модного тогда поэта» на поэтическом вечере во время его выступления. О нем много и увлеченно рассказывал В. Ходасевич, но облик поэта оказался иным. В это время она была охвачена противоречивыми чувствами от общения с кружком М.А. Новоселова, «фальшивой полуреальностью», по ее определению, вторгнувшейся в жизнь, вместо определенности мировоззренческой, жизненной, внесшей разлад во внутренний мир. Терзаемая «фальшью» ситуации, она была «остро чувствительна к переживаниям других».

Вот какой его образ запечатлелся с первого взгляда: «Худой, с напряженными плечами, непрерывно менявший место – сидевший, вскакивавший, садившийся на другой стул, он казалось, весь был на каком-то ветру, обвеивавшем его одного, даже волосы поднимал этот ветер, голос надламывал и взвивал, когда встав у кафедры, он начал свое выступление. Марина Цветаева великолепно описала его вихревые движения, но в тот вечер в Андрее

Белом не было ни грации, ни эстетизма, ни того, что придала ему Марина в своем описании, – неповторимого своего стиля. Я видела на кафедре истерзанного человека с вымученной речью, говоря, он стал вдруг оглядываться, даже себе за спину, словно испугался, что кто-то вражеский его подслушивает. Нервно вели его пальцы, сжимаясь, стискивая углы кафедры, прячась в карманы, откидываясь за спину. Мне было физически больно смотреть на него, ведь это был автор «симфоний», удивительной прозы, легкой, нежной, успокаивающей, как сон. Он казался совершенно беспомощным, голой душой, выброшенной из защиты тела. Я почувствовала его в тот вечер, как себя ...и в состоянии какой-то полной бесцеремонности – от души к душе – написала ему...» Пришел формальный ответ, две фразы, но М.С. Шагинян призналась, что «потеряла чувство реальности ... я чувствовала, что ему нужна, как и мне, помощь», отправила ему второе письмо, «где говорила с ним так, как хотелось бы, чтоб говорили со мной» [4, 237]. И А. Белый откликнулся на неподдельную искренность ее писем.

Впервые ее охватило серьезное, уже недетское чувство к известному уже тогда поэту: «На “романе в письмах” с Андреем Белым я прошла в первый раз всю трагедию отношений с полюбившимся человеком, в которых одна сторона хочет общения – глубокой встречи души с душой, духа с духом, а другая сторона, чтобы поддержать потребность такого общения, хочет большего – сильного, захватывающего всего человека плотского чувства» [4, 238].

В этих непростых чувствах молодая женщина впервые постигла саму себя, свою природу быть счастливой, *отдавая*. В свою очередь, по ее мнению, в десяти письмах Андрея Белого к М.С. Шагинян он раскрылся, больше, чем где бы то ни было. Это недолгое увлечение друг другом впоследствии переросло в дружбу.

К октябрю 1908 г. относится начало истории драматических (для М.С. Шагинян) отношений с Зинаидой Гиппиус. Сама жизнь М.С. Шагинян читается сегодня как захватывающий своими перипетиями роман: история взаимоотношений М.С. Шагинян с З.Н. Гиппиус, их переписка могут составить материал для отдельного исследования или художественного произведе-

ния. Но так можно сказать про взаимоотношения с каждым из ее респондентов – А. Белым, С.В. Рахманиновым.

Владислав Ходасевич в один из своих приходов не застал сестер дома и забыл у них книжку. Это была первая книга стихов Зинаиды Гиппиус, ее прочитала М.С. Шагинян, и ее поэзия «совершенно потрясает и определяет дальнейший путь ее развития, – по признанию писательницы, – на ближайшие три года развития» [4, 20]. Она написала письмо, и, вне всякого ожидания, тогда же, в ноябре 1908 г. в дом Феррари 24. 11. 08 г. пришел ответ уже знаменитой к тому времени поэтессы. Началась переписка (подробнейшие отчеты своего дня, мыслей, переживаний, то, что с сестрой Линой они называли «регламентациями»), длившаяся несколько лет – интереснейший человеческий и исторический документ. Увлеченная идеями «богоискательства», «соборности» М.С. Шагинян, по зову З.Н. Гиппиус, не найдя духовной опоры в кружке М.А. Новоселова, в 1909 г. уехала в Петербург. В бесконечном процессе блуждания, искания «истины», «строительства новой церкви», по Д. Мережковскому и З. Гиппиус, обретался духовный и жизненный опыт. Полуголодное существование, изнуряющая работа – репетиторство, переписывание пьес, писание очерков (основной источник дохода), служение Мережковским (выполнение их поручений, вербовка рабочих для «церкви»), чтение лекций по античной философии «голгофовцам» – так называли себя члены кружка рабочих, целью которых был поиск новых путей христианского единения, и работа над собственными произведениями – вот неполный перечень того многообразного круга занятий, которыми было полно существование М.С. Шагинян в то время.

В основе жизнечувствования М.С. Шагинян лежит *нравственное* переживание мира, именно поэтому представления З.Н. Гиппиус о свободе, боге и мире, о том, что революции без бога быть не может и она, революция 1905 г., была обречена на провал по этой причине и т.п., были ей близки, будто «спичку бросили в керосин». Однако вскоре пришло отрезвление: не найдя нравственной опоры в их учении, она порвала с Мережковскими и возвратилась в Москву.

Эти годы были годами обретения бесценного жизненного опыта и профессионализма, созданием двух поэтических сбор-

ников, которые были высоко оценены читателями и критиками. Второй – «Orientalia», вышедший в 1913 г. и посвященный Сергею Рахманинову, переиздавался 5 раз. Поэт В. Нарбут и В. Пяст сравнивали стихи М.С. Шагинян с поэзией М. Цветаевой и А. Ахматовой, отдавая предпочтение автору «Orientalia» [2, 355-356]. «При этом трудно себе представить, что сравнения, – пишет Е. Куранда, – были не в пользу тех поэтических имен, которые сейчас в читательском сознании несравненно престижнее имени М.С. Шагинян» [3, 203].

Литература

1. *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб, 2007.
2. *Нарбут В.* «Вестник Европы», 1913, № 8.
3. Русская литература 1920- 1930 годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1. Кн. 2. М., ИМЛИ РАН, 2016.
4. *Шагинян М.С.* Человек и Время. М., 1982.
5. *Шагинян М.С.* Соб. соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1971.

НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ М.С. ШАГИНЯН (по материалам книги «ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ»)

Всегда полезно в рамках научного дискурса определить термины, которыми оперируешь. В «Словаре русского языка» понятие «нравственный» определяется как «соблюдающий нормы общественного поведения, морали» [1, 513]. Высоконравственный человек, как представляется, не только тот, кто не совершает дурных поступков, но который в своих отношениях с другими людьми последовательно руководствуется правилом: «Поступай с ними так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой». Более того, когда эти и другие нравственные нормы становятся стержнем духовности, личности человека.

М.С. Шагинян была не только выдающимся писателем, мыслителем, поэтом, публицистом, ученым, но и высококонравственным человеком. Не случайно, московский литературовед Б.С. Зулумян отметила: «Неустанный идейно-нравственный поиск – одна из основных черт ее внутренней биографии, отразившей в себе глубину и разнообразие философских и мировоззренческих интенций времени и не менее судьбоносных переустройств общества и сознания» [2, 318]. Представляется, что итоговая книга М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления» является энциклопедией правил, норм, установок высококонравственного человека.

Почему можно уверенно говорить о нравственных уроках М.С. Шагинян? Потому что она, анализируя опыт своего жизненного пути, процессы формирования своих нравственных устоев, преодолевая в детстве, отрочестве, юности, зрелые годы искушения, слабости, податливость чужим нравственным влияниям, всю жизнь пристально, критически оценивала свои поступки, учась у тех людей, с которыми сталкивала ее жизнь. Исходя из этого, четко определяла свои представления о нравственном поведении. М.С. Шагинян прожила большую, очень достойную, плодотворную жизнь, завершила свою книгу воспоминаний в девяностолетнем возрасте, отметив, что это – обобщающий взгляд на опыт становления человека в сложнейшую

эпоху мировых войн, революций, величественной попытки впервые в истории построить справедливое общество. Нравственные уроки М.С. Шагинян полезны не только тем, кто начинает свою жизнь, но и каждому человеку в любом возрасте, поскольку нравственность каждого из нас ежедневно подвергается испытаниям, искушениям, процесс формирования нравственности продолжается всю жизнь.

Сосредоточим внимание на отдельных нравственных уроках М.С. Шагинян.

Нравственная высота любого человека зависит от того, каковы его идеалы, устремления, основные жизненные установки. М.С. Шагинян писала о своих жизненных устремлениях, характерных для нее уже в отрочестве: «Характер, который хотелось воспитать в себе, должен был быть стойким, правдивым, верным данному слову, жертвующим собой для ближнего, идущим на смерть за истину» [5, 140]. Писатель определила главную страсть своей молодости: «*найти истину*» (здесь и далее *курсив* М.С. Шагинян – Г.М.), справедливую жизнь, равенство для всех, чувство самоуважения для каждого живого существа и чтоб не было больших и малых, любимчиков бога, фаворитов, чтоб всем людям было хорошо и никому не было неловко в обществе других людей» [4, 295]. В книге воспоминаний М.С. Шагинян выделила другую важнейшую нравственную норму, следовать которой стремилась всю жизнь: «Никогда и не для чего не делать человека средством» [5, 424]. В этих положениях писательницы зафиксированы основные установки, нормы общечеловеческой морали: стремление к справедливости, к истине, к уважению достоинства других людей.

Стержнем воспитания нравственного человека, – по мысли М.С. Шагинян, – является его отношение к труду как к нравственной ценности, которое определяет самостояние человека в этой жизни, развитие его творческих способностей, нравственное здоровье и самоуважение. В книге «Человек и Время...» Мариэтта Сергеевна Шагинян писала: «Есть такая фраза-поговорка, знакомая из русской классики: «береги честь смолоду». Я бы прибавила к ней еще другую, практически не менее важную: создавайте себе «привычку» смолоду, с первых дней

молодости» к труду [5, 185]. Писатель отметила у части современной молодежи «легкое и пустое отношение к времени». В ответ на напоминания: «надо же успеть выучить, надо к такому успеть сделать, – писала она, – и получают ответ: «Пустяки, наверстаю» [5, 185]. М.С. Шагинян подчеркивала: «Время – не резинка, время действенно. Пустое время между вами и вашим делом – пропущенное, препровожденное, не оставляет за этот промежуток вас и ваши способности точь-в-точь такими, какими они были до промежутка. Они, ваши способности, за этот промежуток притупились, деквалифицировались, пошли назад. И, наоборот, если б он, этот промежуток времени, заполнялся бы вами как на конвейере, практикой и практикой, повторением, изучением, освоением определенной вещи, – то ваши способности и ваше умение за этот промежуток времени упрочились бы, приобрели квалификацию, вошли в привычку» [5, 185].

Размышляя об этой проблеме в другом разделе книги, М.С. Шагинян еще более определенно и резко подчеркивала: «потерянное время – это наше самоубийство» [5, 288], утверждала необходимость наращивания «крепкой привычки к *постоянному, ежедневному, огромному труду*» [5, 371]. Анализируя свой опыт преодоления трудностей жизни, М.С. Шагинян отмечала: «Вот что спасает при всех кризисах, вот что высветливает тьмону в душе, заставляет забыть любое страдание, снимает любую боль – труд, работа и новая самоотдача» [5, 371]. М.С. Шагинян неоднократно обращала внимание на большой воспитательный нравственный эффект трудовой деятельности для каждого человека: «Труд, – подчеркивала она, – свой, своим трудом заработанный хлеб, потому что никто другой не заработает его для тебя, – это величайший воспитательный фактор на земле, вырабатывающий в человеке уважение к самому себе, к своим силам» [5, 375].

Главную роль в формировании нравственной личности, как следует из книги М.С. Шагинян, играют прежде всего родители, семья, а также школа, опыт общения с другими людьми. Писательница вспоминает о нравственных уроках, кристаллизовавших ее нравственные ценности, которые преподали ее мама, Пепронэ Яковлевна Хлытчиева, и ее отец, Сергей (Саркис) Да-

выдович Шагинянц. Писательница вспоминала о самом главном свойстве своей матери: «легкость и необременительность добра, которое она делала для других» [5, 93]. Ориентируясь на эти нравственные установки, М.С. Шагинян писала о себе, что «все, что делалось мною хорошего, где я выступала и поступала благородно, я тотчас полусознательно выбрасывала из памяти, чтоб не копить у себя в мозгу «смягчающих обстоятельств» ... Я научила себя сама – смотреть на свое хорошее как на естественное, само собой разумеющееся, свойственное каждому нормальному существу. А вот случаи, где я *уступала*, или где подвергалась искушениям, запомнились на веки вечные, и, ставши взрослой, я их много раз ворошила в памяти» [5, 82]. Эта нравственная установка – не помнить добро, сделанное другому человеку, не считать это своей заслугой, является общечеловеческой нравственной ценностью, зафиксированной в традиционных нравственных кодексах многих народов [3, 163-165, 180-182].

Большое нравственное влияние на М.С. Шагинян оказали поступки ее отца, С.С. Шагинянца. Писательница в своей книге привела характерный эпизод из его жизни: «когда после защиты диссертации он был выдвинут на кафедру диагностики внутренних болезней в Московском университете, и ему было предложено для ускорения дела перейти из армяно-григорианства в православие, он ответил министру: «Я – атеист. Но моя церковь связывает меня с моим народом, и отказаться от нее считаю отступничеством». После этого он долго был под негласным надзором полиции» [5, 54], осложнил себе продвижение в профессиональной карьере. Этим поступком отец преподал дочерям не только урок достойного поведения, но и невозможность поступать своими убеждениями.

Серьезному, ответственному отношению к такому великому человеческому чувству как *любовь* наставляла юную Мариэтту ее мать, П.Я. Хлытчиева. Когда дочь поделилась с ней своей романтической «любовью к Леве», она сказала: «Это не любовь, а воображение. Таких любовью у тебя будут десятки, – смотри, не принимай их всерьез, не трай на них время. Это как ветряная оспа – хотя зовется «оспа», но ветряная, – а любовь приходит большей частью только раз в жизни, и от нее почувствуешь,

прежде всего, страданье, потому что любовь – это встреча родного, забвенье себя, боязнь за другого, чтоб не случилось ему плохо, полная правда, никакого кокетства, никакой игры – судьба, одним словом» [5, 135].

Еще один важный нравственный урок, свидетельствующий о необходимости быть честным, правдивым даже в мелочах, М.С. Шагинян получила уже в зрелом возрасте, в 1935 г., от великого русского физиолога И.П. Павлова. Будучи известным журналистом, она написала в газету «Правда» серию статей о значительном научном событии – XV международном конгрессе физиологов. Одну из них она посвятила своей поездке в Колтуши, к академику И.П. Павлову. Мариэтта Сергеевна получила восторженные отзывы об этих статьях от коллег знаменитого физиолога, от редакции «Правды». Но сам И.П. Павлов, прочитав статью, сказал: «Набрехала» [5, 165], – имея ввиду описание дороги в Колтуши, в котором М.С. Шагинян в полете разыгравшегося воображения писала о цветах, растущих по ее обочинам, которых на самом деле не было. «Какой урок! – восклицала она. Я пережила его почти с восторгом, потому что это был заслуженный мною урок, данный великим ученым, гением науки. С тех пор я знаю: люди, не бойтесь ошибок, честных ошибок в своем творчестве, мы все не боги, мы живем долгую жизнь и не можем не ошибаться на трудной дороге жизни. Но, люди! Бойтесь *бреха!* Потому что *брех* – это не ошибка, это проступок против себя самого и против правды, перелет через цель, своего рода лихачество мысли, и в брехе, в допущении бреха, человек допускает нечестность» [5, 165].

Другой, очень актуальный в современных условиях урок нравственной чистоты, нравственной щепетильности в отношениях между людьми, особенно в чувствительных вопросах взаимоотношений мужчины и женщины, преподала в своих воспоминаниях М.С. Шагинян. В нашей современной действительности часто люди, желающие обратить на себя внимание, начинают публично вещать о своих семейных, любовных, подчас интимных отношениях на всю страну. Это практически каждый день происходит на телевизионных каналах, в том числе и на государственных.

М.С. Шагинян продемонстрировала яркий пример высоко- нравственного, уважительного отношения к памяти о своих взаимоотношениях с великим музыкантом С.В. Рахманиновым. Будучи в Лондоне, она узнала, что некий В. Серов издал моно- графию о С.В. Рахманинове, в которой, ссылаясь на переписку М.С. Шагинян с русским композитором, ее воспоминания о нем, пытался приписать ей «умолченную» ею любовь, и что она «не имела смелости правдиво сказать ему: думаю, что я – женщина для Вас» [5, 182]. Некоторые современные «героини» телевизи- онных каналов наверняка бы с восторгом ухватились бы за по- добную версию, чтоб себя «пропиарить». М.С. Шагинян гневно отвергла домыслы автора о якобы ее любовных отношениях с композитором, что, по ее убеждению, важно «не только для ме- ня, но и для памяти великого русского композитора, у которого эта страница нашей дружбы до конца его жизни (а, может быть, и моей) сохранилась едва ли не единственной по своему свету, чистоте, прямоте и бескорыстию человеческого взаимоотноше- ния» [5, 383]. Она подчеркнула, что написанное в книге В. Се- рова «фальшиво», выдуманно на потребу нездорового любопыт- ства западных читателей. «*Не было* никакого романа! – писала М.С. Шагинян, – но зато *было нечто* большее, чем роман, нечто такое, что идет из души в душу в той бескорыстной и человече- ной дружбе, которая исходит от «я» к «ты» и в этом предельно выражает общечеловеческое» [5, 392-393].

Очень поучительно для молодежи (и не только для нее) пере- кличка через века нравственных людей. Девять веков назад ве- ликий грузинский поэт Шота Руставели в своей знаменитой по- эме «Витязь в тигровой шкуре» презрительно отзывался о тех, кто публично вещал о своих чувствах к любимой:

Трудно верить в человека, коль о милой он бормочет.
Сам себе он вред приносит – что ж он попусту хлопочет?
Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданья хочет? [4, 37].

Книга воспоинай М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления» – энциклопедия нравственных уро- ков, нравственных ценностей и установок, которые отнюдь не

устарели и очень поучительны для каждого современного человека.

Литература

1. Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М., 1982.
2. *Зулумян Б.С.* Творчество Мариэтты Шагинян: современный взгляд // Армяне в истории и культуре России XVIII-XX вв.: материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2016.
3. Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп, 2002.
4. *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре (пер. с груз. Н. Заболоцкого). М., 2011.
5. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.

**РОМАН «МЕСС-МЕНД, ИЛИ ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ» В
КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА М.С. ШАГИНЯН
1920-х ГОДОВ**

В свое время М.С. Шагинян заметила, что октябрьские события 1917 года были восприняты ею в первую очередь как «нравственное перерождение человека» [2, 618]. Это, безусловно, не могло не повлиять на художественное решение писательницей проблемы личности в этот период.

Уже в первом своем крупном послереволюционном произведении – повести «Перемена» – она выдвинула новый критерий ценности человека: ничто так не способствует нравственному росту отдельной личности, как решение прогрессивных задач своего времени, как деятельность, соответствующая историческому развитию. Социальная активность рассматривалась, таким образом, как основное условие человеческого роста. В этом отношении творческие искания М.С. Шагинян соответствовали существенным тенденциям осмысления личности в ранней советской литературе. Герои В. Зазубрина, Вс. Иванова, А. Малышкина именно в революции находили основу для своего общественного утверждения.

В «Перемене» М.С. Шагинян очертила круг проблем, связанных с рождением нового человека, сочетающего в себе социальную активность и высокую нравственность. Одна из них была связана с темой творческого отношения к труду: «Ошибочно думать, что вопрос о труде разрешим в плоскости социальных отношений. Забывают о психологии труда. Если труд – обязательство, да еще тяжкое, да еще *volens-nolens*, то на такой почве ничего не построишь. Труд должен удовлетворять человека. Отсюда: он не смеет быть механичным. Не механично лишь творчество, и труд должен быть творческим. Но творческий труд не утомляет, не насилует, это не обуза, а счастье...» [2, 13]. И хотя тема эта не получила в повести развития – годы гражданской войны не давали достаточного материала – наличие ее в произведении 1923 года примечательно: от нее тянется нить и к роману «Месс-Менд», и к «Текстильным рассказам», в которых М.С.

Шагинян обратилась к проблеме взаимосвязи людей в процессе трудовой деятельности, и, разумеется, к «Гидроцентрали», где тема выхода из «духовного захолустья» в процессе творческого труда стала одной из основных.

В следующем своем произведении – романе «Приключение дамы из общества» М.С. Шагинян продолжила художественно исследовать процесс нравственного становления человека, жены деникинского министра Алины Зворыкиной, от полной пассивности, неспособности сопротивляться обстоятельствам, до осознания ею перемен, потрясавших страну. И вот уже «не гордость отчаяния, а стойкость надежд» [2, 232] переполняют душу героини, свободной в выборе своего места в жизни. Приобщение человека к коллективу, по мнению писательницы, способствует расцвету «его творческой силы, его гордости, его власти над природой, его уваженья к себе подобным, его обузданья собственных пороков и страстей, его правдивости, ...чистоты, честности, великой смелость мысли...» [2, 149-150].

Одной из граней гуманистической концепции М.С. Шагинян всегда была идея зависимости духовного облика личности от уровня развития общества, в том числе экономического. В свете вышесказанного понятны причины обращения М.С. Шагинян в начале 1920 г. к социальной фантастике. Интересно, что в это же время появляются фантастические произведения В. Катаева «Остров Эрендорф» и «Повелитель железа», роман Вс. Иванова и В. Шкловского «Иприт», основоположник советской фантастики А. Толстой создал произведения «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», а в 1925 г. будущий известный советский фантаст А. Беляев начинает свою писательскую деятельность. Думается, что интерес М.С. Шагинян к фантастике не был случаен, более того, он был правомерен именно для ее творчества 1920-х, когда наша страна только поднималась из руин, а все то, о чем размышляла писательница, оставалось мечтой.

Советские литературоведы неоднократно указывали на такие существенные качества молодой советской фантастики, как социальная направленность, оптимизм и гуманистический пафос. В этом отношении ее роман «Месс-Менд» не составляет исключения. В нем М.С. Шагинян, как и в повести «Перемена», обратилась к романтической форме повествования, стремясь создать

«во-первых, международную агитку, красную приключенческую литературу для нашего читателя, для нашего молодняка, во-вторых, агитку для международного пролетариата» [2, 43].

В романтически-приподнятой манере созданы в романе образы рабочих-революционеров. Никто не сравнится с ними по красоте, силе, уме, изобретательности: «...мы сильнее всех, богаче всех, веселее всех: дома городов, мебель домов, одежду людей, печатную книгу, утварь, оружие, инструменты, корабли, пушки, сосиски, пиво, пирожное, сапоги, железнодорожные рельсы – делаем мы и никто другой. Стоит нам опустить руки – и вещи исчезнут, станут антикварной редкостью...» [2, 242].

Утверждение высокой роли человека-творца и преобразователя – одно из основных качеств гуманистической концепции М.С. Шагинян. Роман «Месс-Менд» в определенной степени явился подступом к роману «Гидроцентральный». Но то, что позднее писательница раскроет в реалистической достоверности, здесь передано в потенцированной романтической форме. Особенно сильно это романтико-фантастическое начало в главах, посвященных СССР. Заводы-комбинаты, объединяющие ряд отраслей, приборы, обезвреживающие бомбы без взрывов, регуляторы электроклимата, обеспечивающие высокие урожаи, – все это она видела в начале двадцатых годов XX столетия.

Эта фантастическая картина нового мира несла в себе значительный смысл. Процесс очеловечивания человека М.С. Шагинян связывала с проблемами экономическими. «Завоевав орудия производства, – говорил коммунист Энно, – мы пожелаем сделать человека счастливым... Полное счастье дают лишь две вещи: созидание и познание... Мы твердо решили сделать производство познавательным, а познание – производственным. Как этого можно было достичь? Тут-то, мой друг, и помог нам метод единого хозяйства. Да, обедневшие, истощенные, голодные, лишенные продуктов и рынка, мы начали с того, что сами взяли за свое хозяйство» [2, 377-378]. Таким образом, уже в ранних произведениях М.С. Шагинян тема труда была связана с формированием личности нового типа.

Роман «Месс-Менд» чрезвычайно многопланов: он сочетает в себе авантюрный, фантастический, социальный, философско-нравственный элементы. Наличие их обусловлено общим за-

мыслом писательницы: в увлекательной форме воспитать в массах сознание своей силы. Реальное и фантастическое здесь взаимосвязаны, что характерно для многих фантастических произведений этого периода. Например, с подобным сочетанием фантастики и реальности мы встречаемся в «Аэлите» А. Толстого. Однако существует и определенное различие в характере использования этих двух начал у А. Толстого и М.С. Шагинян.

Реальность в «Аэлите», по определению Л. Поляк, «создает иллюзию правдоподобия», способствует «изображению необычного как реально существующего» [1, 253]. Картины Петрограда 192... года с его пустынными улицами и облезлыми стенами домов, удивительно «земной» и вполне узнаваемый Гусев, конкретность бытовых деталей – все это придавало фантастической гипотезе А. Толстого жизненную убедительность.

Жанр «Месс-Менд» был определен М.С. Шагинян как роман-сказка. Фантастика здесь не нуждается в «иллюзии правдоподобия», да и сама реальность должна выглядеть вполне сказочной. В романе М.С. Шагинян мы наблюдаем «трансформацию» реального в фантастическое. Причем, подобная «трансформация» в романе художественно оправдана. Почти все преобразования даны через восприятие Артура Морлендера, приехавшего в СССР из Америки. Человеку «другого мира» одинаково фантастическими кажутся и широкая сеть электростанций, и высокий уровень производства, что в начале 1920-х, действительно, выглядело фантастикой, и огромное количество ликбезов, в которых обучались даже старики. Таким образом, в романе происходит резкое смещение реальности и фантастики. Благодаря этому М.С. Шагинян удалось в сказочной форме показать необычность и настоящего, и будущего. А постановка вопроса о социально-экономической детерминации духовного развития человека явилась чрезвычайно важным этапом развития гуманистической концепции писательницы.

Литература

1. Поляк Л.М. Алексей Толстой-художник: Проза. М., 1964.
2. Шагинян М.С. Собр. соч. в 9 т. Т. 2. М., 1971.

**«И НЕ СМЕТЕТ ВЕКОВ ТЕЧЕНЬЕ СЛЕДА,
ОСТАВЛЕННОГО МНОЙ»**

Братья Гонкуры сравнивали лица стариков со стершимися с течением времени монетами. В значительной степени то же самое можно сказать и о давно «состарившемся» и несколько потускневшем ввиду многократного использования образе, уподобляющем того или иного литературного творца яркой звезде, которая на протяжении сменяющих друг друга эпох включает в орбиту своего влияния все новые планеты. Каждое расширение подобной «планетарной системы» означает для «звезды» прилив свежей энергии, позволяя отождествляемому с нею классику избежать мумификации и предстать перед новыми поколениями читателей «во плоти и крови», в качестве их современника.

В полной мере осознавая банальность подобного подхода, тем не менее считаем уместным в очередной раз воспользоваться им. В двадцатом столетии среди многочисленных исследователей творчества Гете вообще, «фаустоведов» в частности, свое особое место занимает Мариэтта Сергеевна Шагинян. Одним из крупных явлений «планетарного» масштаба (в вышеозначенном смысле) стала ее монография о Гете.

На наш взгляд, это не случайно. М.С. Шагинян многое роднило с великим немецким поэтом и, прежде всего, «удивительный универсализм», который она отмечала у него, цитируя Евгения Баратынского:

На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел» [1, 11].

Широчайший диапазон литературного творчества – как поэтического, так и прозаического, включая эпистолярное наследие, сочетался у Гёте с плодотворной научной деятельностью. Его перу принадлежат серьезные исследования, касавшиеся различных аспектов минералогии, геологии, ботаники, морфоло-

гии, метеорологии и др., многие из которых сохраняют актуальность и в наши дни. Особый интерес представляет его учение о цвете, в основу которого положен скрупулезный анализ физиологического и психологического воздействия того или иного цвета на человека [См.: 2]. В свое время, отмечая, с одной стороны, масштабность вклада Гёте в науку (12 томов научных трудов), с другой, – его неравноценность, К.А. Тимирязев подчеркнул, что «Гёте представляет, быть может, единственный в истории человеческой мысли пример сочетания в одном человеке великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого», ум которого «не только был открыт для всех завоеваний современной науки, но и двигал ее вперед, т.е. обнаруживал в ней такую же творческую деятельность, как и в области поэзии» [3, 448-449]. При этом Гёте на склоне лет (20 апреля 1825 года) признавался своему секретарю Петеру Эккерману: «Я растратил уйму времени на то, что не имело никакого отношения к моему подлинному призванию. Когда я думаю, что сделал Лопе де Вега, число моих поэтических произведений представляется мне ничтожно малым. Я должен был придерживаться только своего ремесла» [4, 157].

Со своей стороны, и Мариэтта Сергеевна Шагинян была оригинальным мыслителем, человеком универсально образованным, за свою долгую жизнь успешно попробовавшая себя в различных амплуа, в том числе и весьма «экзотических» (Илья Григорьевич Эренбург, вспоминая о том, что в первые годы революции он, не имея никакого отношения к педагогике, был назначен заведующим «секцией эстетического воспитания мофективных, то есть морально дефективных, детей», и отмечая, что «в те времена многие занимались не своим делом», приводит в пример М.С. Шагинян, которая, наряду с чтением лекций по эстетике, «начала обучать граждан овцеводству и ткацкому делу» [5, 463-464]). Но, конечно же, главным остается ее богатейшее литературное и научное наследие, включающее в себя фундаментальные монографические исследования, посвященные жизни и творчеству столь разных поэтов, как Иоганн Вольфганг Гёте, Тарас Григорьевич Шевченко, Низами Гянджеви, анализ карело-финского поэтического эпоса «Калевала» и др.

Однако именно к Гете М.С. Шагинян питала особое отношение, возможно, унаследованное ею от отца, для которого Гете был «вторым любимцем ... после Пушкина». «В день моего пятилетия, – вспоминала Мариэтта Сергеевна много лет спустя, – отец, хорошо говоривший по-немецки, подарил мне всего Гете в берлинском издании «Реклям»» [6, 55]. С этого момента Гете, интерес к его творчеству сопровождали М.С. Шагинян на протяжении всей ее жизни.

В свете вышесказанного написание М.С. Шагинян монографии о великом немце, стихи которого она неоднократно переводила, выглядит более чем закономерным. Здесь она вскрыла фактически все грани творческого гения Гёте, включая его роль в создании современного немецкого театра, а, главное, – немецкого литературного языка. «Работы Гёте в области языка, его стремление очистить язык от иноземщины, а в то же время не опустошить язык от необходимых и прижившихся в нем новых слов, – писала М.С. Шагинян, – поистине классичны. Они не потеряли своего значения и сейчас, поскольку не перестали расти и развиваться живые языки» [1, 34-35].

В монографии наиболее интересной, на наш взгляд, является глава, посвященная трагедии «Фауст», которую М.С. Шагинян оценивала как «наиболее диалектическое произведение Гете» [1, 141]. Изложению последней, по словам М.С. Шагинян, «присуще... огромное чувство историчности, умение передать «время» так же перспективно, как художники передают пространство, передавая на плоскости различную степень отдаления, уход в глубину и т.д.» [1, 157].

Серьезной критике со стороны М.С. Шагинян подвергся образ Гретхен, в особенности отказ последней покинуть место своего заточения и бежать с Фаустом во имя любви к нему, что, вопреки мрачному вердикту Мефистофеля («погибла!»), дарует ей спасение Небес. «Гете, давший такую глубокую диалектику смерти и бытия, любви и смерти в своей «Коринфской невесте» и особенно в «Боге и баядере», – писала М.С. Шагинян, – здесь, в «Фаусте», разворачивает самый обывательский, сдобренный церковно-приходским апофеозом, любовный эпизод «шалости барина» с девушкой из народа. Мефистофель, который всюду выступает как дух зла и отрицания, неизбежно в конце концов

служащий добру и утверждению, в тюрьме у Гретхен предстает как зло абсолютное, зло метафизическое, лишаящееся всей своей диалектической силы, не способное никак, ни с какой стороны участвовать в спасении и просветлении Гретхен; не преодолением его в каком-то высшем плане, а физическим омерзением к нему, полным его оттолкновением, ужасом при одной мысли коснуться его отвечает церковная религиозная природа девушки Гретхен на явление Мефистофеля, и сразу весь характер этой сцены и трактовка любви и трагедии Гретхен предстают в сугубо идеалистическом освещении, где искусством правит традиция образа, традиция морали, традиция религии» [1, 163]. И далее М.С. Шагинян в подкрепление столь нелестной для Гретхен, а, следовательно, и для Гете, оценки сослалась на авторитет И.С. Тургенева и Н.Г. Чернышевского, справедливо указывавших на заурядность Гретхен. При этом И.С. Тургенев признавал, что таков был сознательный выбор самого Фауста [1, 163-164]. С другой стороны, Артур Шопенгауэр видел в Гретхен «ясный и наглядный образ... отрицания воли, порожденного великим несчастьем и полным отчаянием в спасении» [7, 804]. «Так или иначе, а любовь Фауста к Гретхен не поднялась у Гете на ту высоту, где любовь побеждает смерть», – сетовала М.С. Шагинян, «любовь не приносит Фаусту полного счастья» [1, 165,179].

Однако входило ли последнее в расчеты Гёте и мог ли Фауст обрести «полное счастье» в любви? Хотя, заключая контракт с дьяволом, Фауст заявлял:

Я на познание ставлю крест.
Чуть вспомню книги – злоба ест.
Отныне с головой нырну
В страстей клокочущих горнило,
Со всей безудержностью пыла
В пучину их, на глубину!
...В неумоимости всечасной
Себя находит человек» [8, 347],

он, как известно, расстается лишь с ампула кабинетного ученого, как с пройденным этапом на его пути познания окружающего мира, ради достижения новых высот в постижении тайн Все-

ленной. Поэтому нет ничего удивительного в том, что для него недолгая «любовь» к Гретхен и соблазнение ее – лишь очередной «научный опыт», постижение еще одной грани человеческой жизни, по завершении которых он утрачивает к ним интерес, следуя своему принципу: «в том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно» [8, 323]. Подтверждается оценка, данная Фаусту Мефистофелем:

Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели» [8, 297].

Что же касается самой Гретхен, то было бы странно требовать от обычной немецкой девушки ее времени революционного разрыва с миром привычных с детства условностей, тем более что ее греховная связь с Фаустом была весьма непродолжительной, хотя и разрушительной. Здесь Гете всего-навсего отдает дань реализму и упрек в недостаточной «революционности», фактически бросаемый ему М.С. Шагинян, несостоятелен, хотя и вполне понятен, являя собой дань советской эпохе. Испытав закономерный шок от свалившегося на нее позора, принесенных ею в жертву любви к Фаусту собственной матери и, пусть и невольно, родного брата, который перед смертью после неравного поединка с владыкой ада бросает ей гневный упрек:

Еще ты, Гретхен, молода,
И где тебе понять, куда
Ведет твой глупый нрав.
Но, шлюхой ставши невзначай,
По правилам теперь гуляй,
На все есть свой устав.
...Теперь ты начала с одним,
А после перейдешь к другим,
Когда ж до дюжины дойдет,
Столпится город у ворот.
...Я твердо знаю: дни придут,

Когда тебя весь честный люд,
И стар, и мал, исчадьё тьмы,
Чураться будут, как чумы» [8, 442-443],

Гретхен одерживает, хотя и «пиррову», но все-таки победу, остановившись на краю пропасти, обрывающейся в Преисподнюю. К тому же, совместного с Фаустом будущего у нее все равно не могло быть, поскольку ей не суждено было выдержать конкуренцию с Еленой.

Говоря об обширном творческом наследии Гёте, М.С. Шагинян обращала внимание на его неравнозначность. Как «сын своего века и своего класса», отмечала она, Гёте под воздействием обстоятельств «шел на компромисс со своим временем», в связи с чем «часто страдал от внутреннего противоречия между светом своих гуманистических идеалов и серостью дрянной исторической обстановки, с которой он малодушно мирился в жизни» [1, 20]. При этом М.С. Шагинян признавала, что Гёте «полностью ответил на требование, предъявленное ему эпохой» [1, 22].

Но и сама М.С. Шагинян была дочерью своего времени, представителем конкретной эпохи, характеризовавшейся острым идеологическим противостоянием. Актуальность творчества Гете для второй половины двадцатого столетия она видит в том, что его наследие оказалось предметом непримиримого противостояния между силами «тьмы» и «света». «...В наши дни напряженнейшей политической борьбы, борьбы насмерть со старым миром капитализма, в дни, когда жжется каждый газетный лист, каждое печатное слово, – двухсотлетний юбилей Гёте оказался одним из самых боевых участков фронта, а наследство его было активно использовано как живое идеологическое оружие и темной армией империализма, роющего могилу человечеству, и светлой армией социализма, прокладывающей дорогу в коммунизм» [1, 186-187]. Говоря о «столкновении двух воззрений на Гёте», проявившихся в ходе подготовки к двухсотлетию юбилею великого поэта, она подчеркнула, что мир в преддверие этого события «раскололся на два непримиримых лагеря». В первый Мариэтта Сергеевна поместила «борцов за мир и демократию, за светлый и мирный труд народа на земле», ко

второму относит буржуазных «англо-американских ученых», чьи концепции, по ее мнению, не только превращали Гете в «безродного космополита», но и обнаруживали явную преемственность с расистскими идеями Хьюстона Стюарта Чемберлена, видевшего в Гёте «идеального представителя «арийского немецкого типа» [1, 191, 194]. (Справедливости ради, следует отметить, что у Чемберлена, который неоднократно апеллирует к Гёте, последний фигурирует как «гениальный и добросовестный педант», представляющий собой «настоящий компендий немецкого характера» [9, 36]).

Но даже этот сегодня выглядящий явным анахронизмом набор идеологических клише представляет ценность, по существу являя собой «капсулу времени», памятник советской эпохе, в которую творила М.С. Шагинян.

В целом, по нашему мнению, Мариэтта Сергеевна Шагинян заключала в себе частицу Номо Faustus («фаустовского человека») – в том, что касается свойственной ей безграничной жажды познания, но, конечно же, без шпенглеровского «гигантского отрицания так или иначе ограниченного чувства родины» [10, 523]. Впрочем, и сам «отец «Фауста» вряд ли может рассматриваться как человек исключительно «фаустовского типа». Когда Петер Эккерман, общаясь со своим великим собеседником 22 февраля 1824 года, сказал ему, что в него, «уроженца равнины (по классификации Шпенглера, «бесконечная равнина» выступает «прасимволом» не немецкой, а «русской безвольной души» [10, 489]), мрачная торжественность гор вселяет жуть» и что он «не испытывает ни малейшего желания странствовать по таким вот ущельям», Гёте ответил: «Вполне закономерное чувство, ведь, собственно говоря, человеку по душе лишь то, где и для чего он родился. Если высокая цель не гонит тебя на чужбину, ты всего счастливее дома» [4, 101] (последнее высказывание Гёте, по Шпенглеру, ближе «аполлоническому человеку», родиной для которого, «поскольку в нем еще живут остатки его мироощущения», является «в самом исконном телесном смысле земля, на которой выстроен его город» [10, 520]). В то же время рискуем высказать предположение, что, в отличие от Фауста, М.С. Шагинян, до последних дней занимаясь творческой, науч-

ной и общественной деятельностью, так и не сочла нужным воспользоваться призывом: «Остановись, мгновенье!».

Оценивая поэзию Гёте, М.С. Шагинян считала, что ее «главный музыкальный тон, ...главный секрет... могучего художественного воздействия на читателя» выражался формулой: «Жизнь – это хорошо!», а сам поэт «с юношеским вниманием и страстью в семьдесят лет, как в семнадцать, впитывает в себя все новую и новую мудрость бытия...» [1, 43, 68]. Находясь уже в преклонном возрасте и в значительной степени подводя итог своей многогранной творческой деятельности, М.С. Шагинян в заключительной части своих мемуаров, в очередной раз обращаясь к «Фаусту» и цитируя известные строки о сухости теории, писала: «И у Гёте всякая теория может застояться, окаменеть, превратиться в свою противоположность, если не проверять и не развивать ее вечно зеленым критерием – деревом жизни» [6, 557]. Два вышеприведенных утверждения в полной мере справедливы и для самой М.С. Шагинян. К ней неприменимы слова Томаса Манна о том, что «старость – это прошлое, живущее в настоящем, прошлое под тонким наносным слоем нового» [11, 42]. И, хотя не все теоретические подходы, использовавшиеся М.С. Шагинян при анализе творчества Гёте, выдержали проверку временем, «дерево жизни», как таковое, оставленное нам ею, и сегодня остается зеленым.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Гете // Шагинян М.С. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М., 1975.
2. *Месяц С.В.* Иоганн Вольфганг Гете и его учение о цвете. М., 2012.
3. *Тимирязев К.А.* Гете – естествоиспытатель // Энциклопедический словарь. 7-е перераб. изд. Т. 14. М., 1911.
4. *Эккерман П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986.
5. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Книги первая и вторая. М., 1961.
6. *Мариэтта Шагинян.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
7. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // *Фихте И.Г., Шопенгауэр А.* Немецкая классическая философия: в 2 т. Т. 2. М.-Харьков. 2000.
8. *Гете И.В.* Стихотворения. Фауст. Пер. Б. Пастернака. М., 1997.

9. *Чемберлен Х.С.* Арийское миросозерцание. М., 1913.
10. *Шпенглер О.* Закат Европы: в 2 т. Т. 1. М., 1998.
11. *Мани Т.* Доктор Фаустус. М., 2009.

М.С. ШАГИНЯН О РЕЛИГИОЗНЫХ ИСКАНИЯХ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Религиозные искания как составляющая общественной жизни России эпохи революций начала XX века стали весьма значимым этапом жизни Мариэтты Сергеевны Шагинян, ее личного и творческого становления. Творческое наследие ее содержит и актуальные для эпохи 1908-1914 гг. описание и оценки того, как этот процесс происходил в среде творческой интеллигенции Петербурга и Москвы, содержащиеся в фельетонах «Приазовского края», и интереснейший анализ собственного участия в нем, данный ее в итоговом произведении «Человек и время».

Даже шесть десятилетий спустя, вспоминая религиозные искания эпохи, она не считала их «пустяком в истории русской общественной жизни» [7, 348]. Думается, эта оценка обусловлена ее представлением о двух двигателях души человеческой: первым она называет убеждения, вторым – веру. «К убеждению приходишь через разум, оно доказывается для тебя всем ходом познания той вещи, в которой ты должен убедиться, чтоб принять ее или отвергнуть. К вере приходишь через сердце и чаще всего через любовь, – и вера так сильна своим прохождением через любовь, через чувство, через предрасположение всего твоего характера и темперамента, что никакие попытки *разубедить*, то есть подойти к вере с инструментом разума, не могут поколебать этой веры». При этом М.С. Шагинян подчеркивала, что такое представление о двигателях человеческой души, пронесенное через всю долгую жизнь, было результатом ее личных идейных исканий 1908-1914 годов [7, 182].

Вспоминая эпоху, столь значимую для ее личностного становления, она отмечала: «...я, как многие тогдашние интеллигенты, искала после революции 1905 года – почему она не удалась, чего не хватило ей...; и *ответ у таких религиозных темпераментов, как мой* (курсив мой – Н.С.), был один: Бога не хватило ей, Совести, Любви к народу, к «малым сим» Все это насыщало тогдашнюю атмосферу, вторгалось в содержание чуть ли не каждой беседы, каждого спора» [7, 271]. Означенный ре-

лигиозный темперамент, как и ответ на вопрос о причинах неудачи революции 1905 года, им обусловленный, очевидно, не был исключительной особенностью М.С. Шагинян, поскольку религиозные искания охватили разные слои творческой интеллигенции, верхушку рабочего класса, часть профессиональных революционеров.

Впрочем, термин «религиозный темперамент» относится ко времени работы ее над романом «Человек и время». В статьях, написанных непосредственно в годы религиозных исканий, М.С. Шагинян употребляла термины «скрытое религиозное чувство» и «религиозность», вкладывая в каждый из терминов вполне определенное содержание.

Скрытое религиозное чувство она считала имманентно присутствующим человеку, чуть ли не на одном уровне с естественными потребностями, и, во всяком случае, неподвластным разуму: «За исключением тех, кто пришел к вере от невежества и по традиции, большинство «верующих», иной раз даже высокоинтеллектуальных, пришло к ней от чувства, неподвластного разуму. И стремиться «отрезвить» их средствами разума и убеждений – абсолютная трата бумаги, печати, голоса, логических силлогизмов, исторических примеров, притягиваний палеонтологии, космологии, космонавтики, астрономии и всего прочего в качестве доказательств» [7, 182].

Под религиозностью она понимала стремление найти правила жизни, поскольку «только религия (всякая), стремится пересоздать жизнь по определенному началу; одной только религии свойственно быть и желать быть «программой жизни». Этика несравненно более объясняет, чем показывает. Религия – и объясняет, и показывает, и заставляет. «Делай не то, что можно, а то, что должно», такова внутренняя сторона религии» [2].

Осознавая себя (по происхождению, воспитанию, образовательному цензу и характеру работы) представителем русской интеллигенции, молодая М.С. Шагинян, курсистка историко-философского факультета московских Высших женских курсов Н. Герье, не видела ничего противоестественного в противоречивой характеристике образа русской интеллигенции, данной авторами сборника «Вехи», согласно которой интеллигенция и атеистична, и религиозна. «Иначе формулировать антиномию

эту можно так: русская интеллигенция живет без Бога, но она не может жить без Бога. Живет – и не может жить... жить попросту, без «во имя», жить только *для* чего-нибудь, а не *во имя* чего-нибудь мы не можем. На Западе удовлетворяются этим *для*, мы им никогда не удовлетворялись; мы ищем *То, во Имя чего мы могли бы жить*» [1]. Спустя почти три года, характеризуя специфику отношения русской интеллигенции к религии, она заметила: «...мы, русские, воспитываемся совершенно вне церкви и церковной литературы» [6].

А более полувека спустя, предваряя описание собственного опыта участия в религиозных исканиях (1908-1911), М.С. Шагинян написала: «Я никогда не была церковницей, никогда не думала о церкви, не нуждалась в ней и выросла вне ее. Отец, атеист, не позволил нас с сестрой водить в церковь. И мы никогда не были в детстве в армянской церкви». зы вероучения для того, чтобы заручиться справкой для школы о сдаче «закона Божьего», сестры получили от московского священника армяно-грегорианской церкви Попова вместе с требуемым документом, уважением к показанным им начертаниям букв армянского алфавита и старательно заученной молитвы «Хайр мэр». «Церковь была для нас скорей предметом архитектуры, образом особого здания, чем духовным понятием; и с ней я никогда не связывала своего религиозного чувства, жившего во мне подобно природным потребностям в еде, пище, движении, ритме и музыке» [7, 216-217].

Все, что написано М.С. Шагинян о религиозных исканиях в общественной жизни России начала XX в., основывается на ее личных впечатлениях и опыте. Это относится как к ее публицистическим и критическим статьям, опубликованным в «Приазовском крае», так и к воспоминаниям. В работе «Человек и Время...» она замечала, что религиозное движение захватило после неудачи первой российской революции разные слои общества, но по-разному: «Одних – с примесью допетровского национализма, лампадного православия, церкви как спасительницы душ, собирания, увода их в бездействие, в спасающую от греха пассивность при помощи «страха Божия». Других – внешне и внеисторично, с мистическим ощущением церкви как чего-то нематериального, «града господня», связующего

души невидимой связью. Третьих – реально строящих у себя свою, домашнюю церковь с молитвами и причащением. Церковь, желающую быть близкой с революцией, со «святым террором», новым походом крестоносцев на самодержавие...». [7, 230] Следует отметить, что и с одними, и с другими, и с третьими М.С. Шагинян имела опыт взаимодействия, как непосредственного, так и непростого.

Первым для нее стал опыт общения с М.А. Новоселовым, издателем «Религиозно-философской библиотеки», и членами его кружка. Бывший толстовец, М.А. Новоселов в начале XX века вернулся в лоно православной церкви и стал издавать в Москве «труды теоретиков православия, подобранные как материал для пропаганды небольшими сброшюрованными порциями». Продавались они по минимальной цене в помещении курсов Н. Герье в киоске на лестничной площадке. В кружок, им возглавляемый, к моменту случайного знакомства М.С. Шагинян с ним и с его изданиями, входили такие лица как Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский.

Знакомство М.С. Шагинян с М.А. Новоселовым было случайностью, повлекшей серьезные последствия. По ее собственной характеристике, М.А. Новоселов сыграл в ее жизни «большую и страшную роль» [7, 197]. Попав в «длительные фальшивые отношения... я почти год изо всех сил старалась действительно заинтересоваться «отцами восточной церкви», сущностью православия, его значением для русской культуры, русских писателей и особенными путями развития «православной Руси» в отличие от «пагубных западных церквей» [7, 217].

В течение этого времени М.А. Новоселов как в личном общении, так и письменными поучениями пытался привлечь курсистку философского факультета в лоно православной церкви. Однако они воспринимались молодой Мариэттой Сергеевной не как истина в последней инстанции, а как материал для исследования. Пытливый ум ее, оттачиваемый формировавшимися навыками анализа философских систем, разумеется, не мог удовлетвориться проповедью бездействия и безмыслия. «Новоселов советовал мне: «Лучшая гигиена души – ни о чем не думайте, ходите по дорожке и повторяйте про себя: «Господи, помилуй!

Господи, помилуй!» ... Вы увидите, как легко станет. Какое бремя с плеч снимете!» [7, 229].

Ответом М.С. Шагинян на подобные советы стало добросовестное штудирование томов по теологии и истории церкви, трудов православных отцов церкви, – всех тех, «кто взял монополию на исцеление души человеческой. Не было ни добра, ни любви в том, что я читала. Сердце оцепенело во мне, как мертвец иной раз бабочка на цветке, ящерица на сухом камне» [7, 222]. И чем более она углублялась в изучение церковной литературы, тем более ясным становилось, что в рамках казенного православия ее религиозное чувство, ее религиозный темперамент не найдут удовлетворения, поскольку требовали они активного действия. Выражая свои сомнения и колебания в письме С.Н. Булгакову, наиболее близкому ей в новоселовском кружке, она писала: «...чем больше погружаюсь в догмы, в изучение восточной церкви, тем больше теряю самое главное, что привлекло меня к религии, к мысли о церкви, – теряю любовное чувство самоотдачи народу, желание борьбы за лучшее будущее для него, ту расширяющую теплоту, то громадное устойчивое счастье, которое дается в любви к ближнему своему, в любви к массе народной» [7, 226]. Ответ С.Н. Булгакова, не понявшего духовных и душевных терзаний девушки, ускорил отрезвление.

М.С. Шагинян стало очевидно, что с М.А. Новоселовым и его единомышленниками, занятыми исключительно собственным душеспасением, ей не по пути. «Их душа, спасая себя, должна глушить, доводить до минимума, опорочивать, превращать в грех все свои потребности, хотя бы на йоту превышающие копеечный минимум... да нет, что там минимум! Каждое движение воли или чувства может вести к греху. А грех – это гибель в смрадном море. Значит, спасение души – бездействовать, убивать чувства и мысли за исключением «божественных». ...Но стоит ли спасать пустое место? Кому нужна эта пустопорожня душа и для чего она годится? Это как чайник, поставленный на огонь без воды, – развалится от жары, уронит свой носик в огонь, покоробится, искорежится – выбросить его в мусорное ведро» [7, 228-229].

Много лет спустя М.С. Шагинян, оценивая опыт общения с членами новоселовского кружка, писала: «Большим и нужным

уроком для будущего стали прежде всего мои бесконечные чтения по теологии. Для того, чтобы лучше понять действительность, и притом не вообще, а именно *русскую* нашу действительность, огромную пользу принесло мне хорошее знание истории церкви, истории православия, знакомство с практикой православного «старчества», с восточными отцами церкви» [7, 237].

Летом 1909 года, когда произошел разрыв М.С. Шагинян с кружком М.А. Новоселова, был подведен итог лишь начальному этапу ее религиозных исканий, который условно можно обозначить как московский. Опыт этого этапа принес понимание того, что, во-первых, «реакция и религия не одно и то же, а совсем разное, качественно несхожее» [1] а, во-вторых, «новое религиозное сознание», представляющее религию «волей к пересозданию», «величайшим рычагом человечества, изнутридвигающим его все вперед и вперед, подобно тому, как наука и философия двигают его извне» [2], вряд ли совместимо с официальной церковью.

В статье «О религиозных исканиях современного общества» (январь 1910), подводящей итоги первого этапа собственных религиозных исканий и отражающей воодушевление, с которым М.С. Шагинян начинала их второй, петербургский этап, сформулировано ее кредо, актуальное именно для начала сотрудничества с семьей Мережковских. «Мне хочется сказать моему читателю, как я сам¹ верю: я рожден в мир и мне дан кусок жизни. От меня зависит зарыть этот кусок жизни в землю и погрузиться в ничегонеделанье (как это иногда случалось с Восточной Церковью); от меня зависит исковеркать этот кусок ложью, лицемерием, грехом, самовластием (в чем иногда повинна историческая Западная Церковь); – и, наконец, я могу использовать этот кусок праведно, тщательно его обработать, пересоздать его, подобно тому, как скульптор пересоздает сырую глину в художественную мечту. Ведь жизнь, без человеческого воздействия на нее, – та же сырая глина, кусок хаоса. В душе человеческой –

¹ Последняя статья в «Приазовском крае», в которой М.С. Шагинян еще позиционирует себя как автор-мужчина.

слабость, грязь, безволие, уныние; в общественной жизни – ложь, грех, насилие, фарисейство. Все это, в данном мне объеме, могу я высветлить, переделать, очистить. Так приказывает мне моя вера в Бога, моя религия. Это – путь намечающегося в наши дни «нового религиозного сознания».

Осенью 1909 года, не оставляя обучения на курсах Н. Герье, М.С. Шагинян «перебралась из «восточной» России в «западную» [7, 272]. То, что сама М.С. Шагинян назвала главной страстью своей молодости, – «страсть найти истину, справедливую жизнь, равенство для всех, чувство самоуважения для каждого живого существа и чтоб не было больших и малых, любимчиков Бога, фаворитов» [7, 295], – способствовало ее увлечению взглядами З.Н. Гиппиус, сложившимся в процессе почти годичной их переписки. Поверив в реальность проекта создания новой церкви, объединяющей людей на платформе религиозной революции, М.С. Шагинян стремилась принять личное участие в его реализации.

Ко времени переезда в северную столицу М.С. Шагинян писала: «Петербург литературный мало-помалу сплотился вокруг Религиозно-философского общества. Из этого общества выделились две секции, – одна «христианская», организованная Вячеславом Ивановым и его соратниками; другая «для изучения истории и философии религии», под руководством Мережковского и Философова» [3]. Будучи введена в РФО семейством Мережковских, М.С. Шагинян участвовала в работе последней из названных секций. Руководители секций стремились привлечь к участию в обсуждении проблем «нового религиозного сознания» грамотных представителей рабочего класса столицы и старообрядцев. Одно из таких собраний (конца 1910 года), с участием самой разношерстной публики, красочно описано ею в газетной публикации «Прежде и теперь».

Посещение заседаний петербургского РФО, равно как и знакомство (благодаря участию в кружке М.А. Новоселова) со взглядами наиболее видных участников московских религиозно-философских собраний, дало ей возможность в одной из газетных публикаций 1911 года отчетливо определить различия между петербургским и московским типами религиозных исканий. Характеристика эта весьма любопытна и представляет безус-

ловный интерес для истории общественного движения в России начала XX века. «Тип московского религиозного искания, несомненно, православен; мистика его – неподвижная, строго церковная, авторитетно закрепленная принадлежностью московских искателей к Церкви. ...Тип петербургского искания выходит из православия, имея его за собою как исходный пункт, но уже от него отделившись. ...В петербургском искании больше надежд, больше страха и больше риска, ибо оно продвигает ногу вперед, ощупывает землю впереди себя, рискуя ежесекундно оступиться... В Петербурге больше дерзания, но в Москве больше гордыни; Петербург ищет свое спасение, Москва считает себя уже спасенною... Разница в духе, в психологии, в мистике при совпадении лозунгов и целей ставит два религиозных течения друг против друга как величайших, непримиримейших врагов» [5].

Что касается личного участия М.С. Шагинян в работе секции петербургского РФО, то оно ограничилось единственным докладом, сделанным на тему «Религия и свобода». Ее практическая роль в реализации проекта, соединяющего религию и революцию в некоей новой церкви, состояла в привлечении новых рабочих как на заседания секций, так и для частных собеседований с Мережковскими. Такая возможность у М.С. Шагинян возникла в связи с ее участием в работе так называемых Гагаринских курсов, где студенты и курсистки преподавали питерским рабочим русскую грамоту, арифметику, начатки географии и древней истории. Очень скоро группа рабочих, интересующихся вопросами философии, предложила ей факультативно, занимаясь на разных квартирах, познакомить их с историей философских учений. «Ни разу в жизни устное слово не доставляло мне такого чистого наслаждения, как эти лекции по древнегреческой философии для тридцати питерских рабочих. Может быть, потому, что ни разу больше не ждали моих слов с таким открытым и жадным вниманием, как в эти зимние вечера на окраине Петербурга», – вспоминала впоследствии М.С. Шагинян, отмечая, что самым интересным при этом были реплики ее слушателей и их вопросы [7, 300-303].

Это живое интеллектуальное и эмоциональное общение способствовало росту скептического отношения М.С. Шагинян к

проекту Мережковских. С одной стороны, ей пришлось две с половиной зимы существовать и пытаться действовать «в тесном кругу выдуманного Гиппиус христианского общества как своего рода «предбанника» перед вступлением в «церковь», ...к допуску в которую я удивительным образом так и не была допущена» [7, 273]. С другой, – оценив по достоинству круг своих учеников, она «ни одного из них не хотела приводить, чтоб перед ними не осрамиться. Тайком даже от себя самой, а не то что от Зины, я считала моих рабочих умнее даже самых умных членов секции вроде Александра Александровича Мейера. Умней, потому что они сразу бы схватили нашу новую «церковь» за ее ахиллесову пяту вопросом: чего, собственно, эти господа хотят, задача у них какая?» [7, 307].

Последним обстоятельством, позволившим М.С. Шагинян увидеть проект Мережковских как умозрительную конструкцию, как «умственную беготню по кругу» [7, 343], стал опыт ее общения с группой верующих питерских рабочих, отошедших от официальной церкви и именовавших себя голгофцами. Общение началось с подачи Мережковских, решивших выяснить возможность привлечения членов этой группы в их секцию РФО. Однако отношение руководства кружка к возможному объединению оказалось более чем сдержанным. Кружковцы склонялись скорее к сотрудничеству со старообрядческим епископом Михаилом, ренегатом синодальной православной церкви, чем с Мережковскими с их «кабинетной книжностью». Тем не менее М.С. Шагинян в течение 1910 года посещала их собрания, и даже попыталась устроить рождественское причастие группы на даче Мережковских, проводивших зиму в Европе. Неудача этой попытки, как и отказ З.Н. Гиппиус принять участие в памятном мероприятии, устраиваемым рабочими в годовщину 9 января 1911, обозначили для нее предельно ясно и смысл проекта «церкви» Мережковских, и откровенный эгоцентризм его создателей. Публикация весной 1911 года нового романа З.Н. Гиппиус «Чертова кукла» и резкая критическая статья о нем М.С. Шагинян, помещенная в «Приазовском крае» [4], стали вехами окончательного как идейного, так и личного разрыва.

«Человек, воспитанный на чистой логике, – вспоминала М.С. Шагинян, – мог бы так расположить историю «нового религиозного сознания» Мережковских: «хочу того, чего нет на свете»; «хочу религиозной революции»; «хочу террористического акта, освященного и благословляемого новой церковью»; «не хочу террористического акта – это еще рано»; «хочу принять данный момент: чистую общественность с волей к религии и чистую религию с волей к общественности»; «хочу творить соединение этих двух волей». Человек с обыкновенным здравым смыслом сказал бы: а где вы нашли «данный момент?»» [7, 343-344].

Возвращение Мариэтты Сергеевны Шагинян из Петербурга в Москву весной 1911 года было одновременно и вехой, обозначившей конец ее религиозных исканий. Вспоминая это возвращение, она писала: «Два разочарованья, тяжело пережитых, – разрыв с официальной церковью, разрыв с ее общественным суррогатом – а вместе с ними тягостное детское разочарование во всякой общественной работе уже легли за моими плечами. А мне еще не было двадцати четырех лет!» [7, 349].

Литература

1. *Шагинян М.С.* Еще о «Вехах» // Приазовский край. 1909. 29 июня.
2. *Шагинян М.С.* О религиозных исканиях современного общества // Приазовский край. 1910. 9 января.
3. *Шагинян М.С.* Прежде и теперь // Приазовский край. 1910. 15 декабря.
4. *Шагинян М.С.* Театр марионеток // Приазовский край. 1911. 23 апреля.
5. *Шагинян М.С.* Борьба духов // Приазовский край. 1911. 7 июля.
6. *Шагинян М.С.* Новая книга Д.В. Философова // Приазовский край. 1912. 26 января.
7. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.

Н.И. Стопченко, Е.В. Косьяненко

**ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОВЕСТИ-ИССЛЕДОВАНИЯ М.С. ШАГИНЯН
«ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ»**

*«Она открыла великую личность Мысливечка,
определив его место в музыкальной культуре XVIII века,
по праву ему принадлежащее».*

Милан Юнгман, Чехия

Из всех многожанровых произведений М.С. Шагинян повесть об одном исследовании «Воскрешение из мертвых» (1964), по авторскому признанию – «самой любимой для меня книги» [1, 7], выделяется своим обращением к сокровенному христианскому понятию, повышенным философско-культурологическим и социологическим наполнением, связанным с ее основательной музыкально-исторической эрудицией. Возвращая из забвения реально жившего чешского композитора Йозефа Мысливечка (1737-1781), она как автор должна была, «чтобы воскресить именно его, а не его маску, крепко держать руль в руке и направленно вести свой корабль с такой же предельной точностью, с какой лоцман ведет его среди прибрежных рифов» [1, 7].

Сказанное определяет впечатляюще действенную роль М.С. Шагинян-автора, настойчиво и целеустремленно собирающую достоверную информацию о творческой личности, своеобразии музыки и трагической судьбе Мысливечка как следствии многообразных неоднозначных связей с чешской, итальянской и австрийской культурой, с семейством великого В.А. Моцарта (1756-1791). Обладая глубоким художественно-философским мышлением, она объяла лучшие духовные и творческие силы двух композиторов, проникнув в их суть, этически и эстетически ею осмысленной, приоткрывающей истинный масштаб ее писательской личности. Размышляя о содержании своих поездок по

многим странам Европы в неустанных поисках и иногда счастливых находках, она, как обладатель тонкого художественного вкуса, испытывала *истинное наслаждение* от самого *процесса исследования*, постепенно и доказательно выводила из длительного забвения талантливое композитора и его превосходную музыку. Интереснейшие умозаключения по разным поводам, пронищательные решения, веские аргументы, убедительные доводы и доказательства составляют *художественную ткань* «повести об одном исследовании». «А может, и лучше, что так еще не было, покуда рождалась в моем сердце эта книга, *жанра которой я так и не могу определить*, – повесть об исследовании, опыт романического метода в науке, роман-путешествие, автороман... В жизни, как, может быть, и в науке, самая дальняя *дорога к счастью сама становится счастьем*» [1, 68]. М.С. Шагинян, думается, несколько лукавит, потому что *жанр историко-биографического исследования* методически сформировался у нее с появлением монографии о Тарасе Шевченко двумя десятилетиями ранее...

Автор по крупницам собирает во всех энциклопедиях мира, где только возможно, черты и черточки образа Мысливечка, до тошно анализирует письма, документы, национальные библиотеки и хранилища обожаемой ею эпохи Просвещения, извлекая из них *правду*, в том числе горькую, о его судьбе и давая глубокую разработку творческого наследия чешского композитора. Диапазон жизненного опыта и профессиональных наблюдений М.С. Шагинян-человека и художника-публициста позволяют охватить все главные события творчества Моцарта, Мысливечка и социокультурной жизни XVIII века. Она нередко *вводит читателя* в свою творческую лабораторию, предлагая быть ее единомышленником, доверяя ему и свой покоряющий *азарт исследователя*, ход тонких рассуждений и новые, неожиданно открывшиеся факты, что, в конечном счете, составляет основное содержание каждой из одиннадцати глав повести. «Когда вы беретесь за изучение прошлого и оно, на время вашей работы, становится для вас будущим, вы вдруг чувствуете страшную *человеческую ответственность*, упавшую на ваши плечи. Люди жили и творили до вас; каждый шаг по земле, который вы делаете, это шаг по жившим, страдавшим, работавшим, вло-

жившим свою каплю в «мед» мировой культуры... И они беззащитны перед вами, историком, вы становитесь хозяином их второй судьбы – *судьбы воскрешения после смерти*» [1, 62]. Нас покоряет высоконравственный подход автора к реализации поставленной цели.

Сюжетным стержнем первой главы «Письмо Моцарта» и, как оказалось, всей книги, является развитие авторской мысли *о человеческом и творческом величии* почти никому не известного пражского музыканта, друга австрийского гения. «В этот вечер, дойдя в переписке до 11 октября 1777 года, я испытала *потрясение... Пути наши, словно поезд колею переменил, разошлись...* Какой человек встал передо мной из письма Моцарта, когда я думала было заняться одним Моцартом! Пусть этот человек меньше, пусть его творческий дар менее значителен и всевозможные люди науки меньше интересуются им, но знал ли сам Моцарт, *какой образ* возник из-под его торопливого пера в письме к отцу? Живой образ, *привыкла к его интонации*, как если бы сама разговаривала с ним» [1, 14, 22]. Отодвинулся интерес автора-повествователя к тем местам в письмах, которые касались непосредственно Моцарта и его собственных дел, и *наполнились особым смыслом строки*, относившиеся к его больному другу. Среди них есть и процитированная фраза Мысливчека: «Убежден, что в Мюнхене у вас много друзей, но вряд ли есть еще *такой друг, как я*» [1, 19]. Но в отношениях Моцарта к нему победило равнодушие и эгоизм.

И далее следует замечательный философский пассаж автора о нравственных качествах И. Мысливчека. Можно изучить всю историю человечества и найти немало гениев, размышляет она на первых страницах и зачастую на всем пространстве повести. Там есть немало фигур, несравнимых по новизне, силе, оригинальности творческого действия, но как «иглоку в стоге сена, с трудом стали бы вы искать между этими великими в огромном, бездонном прошлом человечества самое редкое качество: *доброту*» [1, 22]. Мысливчек предстал перед ней из лихорадочных строк молодого Моцарта как по-настоящему нравственно богатый, очень добрый и не эгоистичный человек. Весьма пронизательный, чуткий в отношениях с друзьями, думающий о них и употребляющий такие приемы, какие очень хороший педагог

мог бы сделать: отвлечь внимание от тяжелого физического и душевного состояния, привлечь его на нужное, облегчить настроение, подбодрить. «Все это сделал незримый Мысливечек, – потрясенно резюмировала М.С. Шагинян, преклоняясь перед его нравственным величием в противовес семейству Моцарта, – Мысливечек, изъеденный какой-то страшной болезнью, на дорожках больничного сада, – в отношении молодого, здорового, имевшего перед собой весь блеск будущей славы, все блаженства непрерывного творчества, любовь, жизнь, годы, может быть, десятки лет жизни, когда самому Мысливечку осталось прожить всего лишь три года и три месяца, хотя, правда, сам он этого еще не знал» [1, 22-23]. Потрясение Моцарта от увиденного в больничном саду страдающего друга и переданное им в письме отцу разделила и сама М.С. Шагинян-исследователь, но разделила так, что «пути наши, словно поезд колею переменил, разошлись». Она ставит вопрос перед современниками: была ли болезнь Мысливечка той самой страшной болезнью, которая ужасом вошла в жизнь Шуберта и Ницше, омрачила мышление Мопассана и осью сюжета сделалась в построении судьбы Леркюна, вымышленного героя романа Томаса Манна «Доктор Фаустус»? И проницательный автор дает нелицеприятный ответ: своей несчастной репутацией Мысливечек обязан только Моцарту, для которого сделал так много добра!

Большой Мысливечек подбодрил его, так поднял его веру в себя самого, дал ему такой профессиональный толчок к творчеству, словно свидание с ним окрылило музыкальный гений Моцарта. Однако большой сердцевед и психолог, М.С. Шагинян охладела к австрийскому гению, хотя раньше была явно неравнодушна к нему, о чем говорит ее статья «Моцарт». «Но колея, по которой потекла *моя мысль, пошла в другом направлении*, и она была пустынна. И как бы там ни было, есть или нет предшественники, найду или нет попутчиков, *мне суждено стало идти именно этим, заросшим колючей крапивой, покинутым и заброшенным путем*» [1, 15]. Она пошла непроторенной дорогой исследователя в настойчивых, кропотливых исканиях.

И вместо прежнего интереса к Моцарту, о котором так много уже написано, эмоциональную натуру М.С. Шагинян захватила пробудившаяся в ней всепоглощающая *исследовательская идея*

написать о чешском композиторе Мысливечке, о котором почти не писали и мало что знали. Она сама знала о богемце только то, что вычитала из письма Моцарта к отцу от 11 октября 1777 года, по ее мнению, – «одном из самых потрясающих документов эпистолярного жанра, какими до сих пор располагает человечество» [1, 16]... Почерпнутые из упомянутого письма сведения окончательно укрепили писательницу в подвижнической мысли совершить «воскрешение из мертвых» полузабытого таланта, вернув его людям – колоссальной теме для больших мастеров кисти и пера в мировом искусстве. «Мне же предстояло *скромными словами исследователя* вызвать из небытия умершего человека И. Мысливечка, – максималистски ставила она перед собой титаническую задачу, – вызвать к звучанию забытую его музыку, и *это стало завязью* будущей моей работы многих и многих лет» [1, 23].

Известно, что Йозеф Мысливечек до двадцати шести лет проживал в Праге в одном доме с братом, но затем вдруг покинул родину (1763), расстался с любимым близнецом и последние свои восемнадцать лет жизни жил и умер в Италии, только дважды за те годы возвращаясь на родную землю. Подобно ее кумиру Гете, рвавшемуся из узких рамок родного города к более широкому полю действия, он стремился туда, где мог научиться большему, чем у себя дома, и где гораздо глубже, чем в разорванной, наводненной иностранцами, истоптанной чужими сапогами Праге он мог бы найти, отстоять и сберечь свое национальное «я». Мысливечек вышел на большую дорогу истории из маленького и любимого, но такого узкого мирка своей родной Праги. В Болонье (1770) познакомился с ним, уже знаменитым оперным композитором тридцати трех лет, четырнадцатилетний подросток Моцарт во время своего первого путешествия с отцом по Италии. Юный гений встречался с ним и в последующие годы в Милане; знакомство переросло в дружбу, не выдержавшую испытания...

На протяжении девяти лет творческое горение М.С. Шагиной-исследователя двигало ее пером, заставляло через подвижнический труд увлеченно переписываться со многими деятелями культуры, работать в архивах, библиотеках, хранилищах Италии, Австрии, Чехии, Франции, России и открывать неиз-

вестные страницы судьбы великого чешского композитора. Незаурядная эрудиция автора, как и в других произведениях, рассыпана фейерверком в ее исследовании. «Воскрешение из мертвых» живого человеческого образа никак не связано с хронологией, – приходит к однозначному выводу многоопытный исследователь. – Оно дает вам в руки иную *незримую ниточку, заложенную в человеческой личности*, – и в ней сплетено воедино все время жизни человека» [1, 26].

М.С. Шагинян обратилась к Мысливечку, покоренная его человеческими достоинствами и тронутая состраданием к неожиданному несчастью. «*Чистым выходит образ*, полюбившийся мне из одного только письма, – чистым даже более, чем надеялась я сама» [1, 33]. Но как писать о нем, не зная самого главного – его музыки? Размышляя об особой сложности поисков музыкальных произведений чешского композитора, автор логично вспоминает, что и у нее «все начиналось с музыки, с первого музыкального лепета ребенка, с первого звука материнского голоса, поющего колыбельную» [1, 44].

Судьба исследователя явно благоволила к М.С. Шагинян: она преподнесла ей подарок в период пребывания на чешской земле, в Карловых Варах, где ей презентовали набор из пятидесяти пластинок чехословацкой музыки XI-XIX веков, среди которых была увертюра к опере Мысливечка «Эцио». «Вещь начала забирать меня, и я поставила пластинку второй и третий раз уже *для наслаждения* ею. В ней был характер. Что-то очень скоро отделило ее от похожей, но совершенно другой, музыки Моцарта... Мне показалось, что музыка эта, вытекающая из *колоссального потенциала*, совершенно уверена в себе и в своем продолжении, музыка эта *в своей неисчерпаемости* совершенно не нуждается в защите. *Музыка мастера*, хозяина своей речи, одаренного стремительной и стройной походкой. Музыка очень добрая и старается быть только для вас – быть вам приятной, интересной и нужной... Она *вошла в мой слух*, после троекратного исполнения, *частью жизни*, отрывком, струей из многоводного бассейна. «*Его можно узнать из тысячи*, он необычайно ритмичен, у него есть почерк», – подумала я, уходя спать, и спала в эту ночь необыкновенно крепко, а проснулась бодрая и освеженная» [1, 48]. Вот каким впечатляющим было первое зна-

комство М.С. Шагинян с музыкой Мысливечка и тонким ее постижением.

«И музыку его я *сразу полюбила* за то, что она показалась мне *моей музыкой*, музыкой строго логичной, наслаждение которой связано с процессом *отдохновенного мышления*. А мышление, как это хорошо знают думающие люди, отдыхает не тогда, когда оно молчит и не дается человеку, а лишь тогда, когда начинает работать и захватывает вас самой большой страстью, знакомой человечеству, – *страстью к познанию*» [1, 49]. Те немногие писавшие о Мысливечке отмечены одним общим признаком: они брались за эту тему по причине по-человечески искренней симпатии к забытому чешскому композитору, потому что *огромная тень Моцарта* заслонила его.

Однако некоторые исследователи, справедливо отмечает М.С. Шагинян, не только выводят Мысливечка из-под тени Моцарта, но и подхватывают мысль, будто Моцарт мог кое-что позаимствовать у своего старшего друга. Он мог оказаться под влиянием его музыкального языка, красоту которого сейчас называют «моцартовской», но которая родилась ведь у Мысливечка за девятнадцать лет до Моцарта, задолго до того, как сложился язык самого Моцарта. Влияние Мысливечка на него оказалось столь значительным, что впоследствии по сходству стиля некоторые его сочинения приписывали Моцарту. «Не исключено, что в Мысливечке, – заключает она, – мы должны искать один из крепчайших корней моцартовского стиля» [1, 58]. Иногда у М.С. Шагинян логично возникает и другое чувство: несправедливо забытым встает перед всеми уже не сам человек, а *его дело* – выкованное, вылепленное, пропетое, созданное для потребностей человечества, но, как часто бывает и в нашей жизни, отодвинутое современниками в сторону по сотне причин...

Как тонкий интеллектуал, М.С. Шагинян отмечала закономерный успех музыкальных произведений Мысливечка: около 30 опер, шедших с огромным успехом в 1767-1780 годах в различных городах Италии, а также в Праге и Вене [3, 153-154]. Она испытала вполне понятное огромное удовлетворение, когда ей посчастливилось просмотреть более двадцати либретто из архивов Венеции и Болоньи, изданных специально для опер и кантат Мысливечка, шесть симфоний, исполненных публично,

довольно скоро сделавшегося знаменитым «Маэстро ди Капелла» по своему приезду в Италию. Много раз приходилось ей слушать одну из симфоний D-dur композитора, записанную в ЧССР на пластинку. Восторг исследователя, которому веришь, вызывает и у нас желание насладиться симфонией. «Логика ее убедительной музыкальной речи охватывает вас с первых тактов очень быстрого *allegro*, которое как-то не хочется перевести в словесные описания. *Очень быстрый и крепкий ритм* вообще присущ всему, что мы знаем у Мысливечка. Он словно начинает разговор с вами без околичностей, без отступлений, без всяких неопределенностей содержания. Оторвать ухо от этой серьезной и убедительной речи вы не можете – *так крепка ее форма и такое большое доверие к себе она вам сразу внушает*, словно вас берут за руку и говорят: идемте, я вас доведу, я хорошо знаю дорогу» [1, 113].

Было у нее, разумеется, множество встреч с музыкой Мысливечка не только при проигрывании пластинок и собственном разборе на рояле напечатанного и переписанного с чужих списков, но и на концертах, и в оперном театре. Появляется исповедь тонко чувствующего, искушенного человека, которой всегда веришь. «Так *сердечно, от души к душе, идет эта музыка*, сохраняющая простую, умную, добрую индивидуальность творца в каждой своей фразе. Сохранен голос его сердца, голос его мысли – и *этот голос до странности близок*, говорит разумению вашему через живую теплоту своего бытия, вложенного в эти звуки и сохраненную в них» [1, 128]. Автор повести глубоко познала его жизнь, полную бесконечной работы, ответственности, высокого творческого горения: «Я решила сама перещупать эти звенья и *проверить их точность*» [1, 76]. Потому ее многолетний труд исследователя должен был увенчаться успехом.

Так как М.С. Шагинян успела наизусть выучить полюбившуюся ей увертюру к «Эцио», то ее захватила идея сделать подробнейшую запись главных тем оперы. Музыка, для исполнения которой Мысливечек требовал абсолютной точности понимания, не могла быть поверхностной, элементарной, целиком расстворимой в условном стиле и форме своей эпохи, делится она с нами своими пронизательными выводами. *Его музыка, несомненно, вмещала в себя тот икс человеческого содержания*, для

которого и сейчас, чтобы передать его слушателю, нужны не равнодушные руки ремесленника-оркестранта и пианиста или равнодушное горло певца, а интуиция и талант мастера.

В Парме Мысливечек поставил свою первую оперу «Парнас сконфуженный», исполнение которой принесло ему большой успех. Слава его стремительно росла: из-за сложности его фамилии для итальянцев его называли «Божественный богемец». В десятках мест, свидетельствует М.С. Шагинян, имеются отдельные арии чешского композитора, *любимые в его время и распевавшиеся по всей Италии*. Но расцвет его огромной, молниеносной славы, повысившей лихорадку тогдашнего его существования, вряд ли дал Мысливечку счастье и удовлетворение.

М.С. Шагинян удалось постигнуть его чудесные творения, *понимая секрет*, каким брал он за сердце итальянцев. Подводя итоги своего тщательного исследования жизни и судьбы Й. Мысливечка, она усилием авторской воли рельефно отразила свои прогрессивные общественные позиции и покоряющее *правдоискательство* в духе демократических традиций русской классики, всю систему своих идей направила на обретение им духовности. Слушая его арии в «Беллерофонте», «Армиде», «Медонте», М.С. Шагинян всегда чувствовала про себя, какая это *глубоко человеческая музыка*: она целомудренная в любви, скрытная в любви, не очень счастливая, но прячущая страдание и счастье, едва выдавая их слушателю, чтобы не надоест, не напугать, не показаться навязчивым. И та же музыка, полная большого чувства, уже совсем не таящаяся, широчайшим откровением изливается на слушателя, как раскрытая душа композитора, когда Мысливечек переходит от оперных арий к своим большим ораториям, симфониям, инструментальным сочинениям, концертам, мессам. Свидетельства сердца вылились в музыке...

Особенностью большинства произведений М.С. Шагинян, представленных в самых разных жанрах, в том числе «повести об одном исследовании», является обращение преимущественно к «человеческой» стороне науки, духовному облику ее творцов, к психологии научного творчества, философско-культурологическим истокам и последствиям научных открытий. Под ее пером «повесть об одном исследовании» обладает

не только интеллектуально-познавательной, но и эстетической ценностью, призвана сочетать увлекательность изложения с научной достоверностью в раскрытии проблем, образность повествования с документальной точностью жизненного материала. Много лет она отдавала свой вдохновенный талант художника, знания ученого, опыт публициста воссозданию интеллектуальной личности Й. Мысливечка с богатыми духовными ценностями. Не только глубокая научность, энциклопедическая широта и четкость мысли в произведении М.С. Шагинян, но и тесная связь с актуальными задачами современности, внутренняя полемичность мастерски переданы в художественном обрамлении. Это органично присущее ей качество делает столь убедительным в ее писательской практике сочетание глубины научного анализа с живостью и занимательностью изложения.

В предисловии ко второму изданию «повести об одном исследовании» крупный отечественный композитор Д.Д. Шостакович с признательностью написал: «Книга Мариэтты Сергеевны Шагинян о чешском композиторе Йозефе Мысливечке является очень интересным *музыковедческим трудом*. В истории музыковедения это, пожалуй, *первый случай* такого произведения. Живо, увлекательно, с большим знанием истории музыки рассказывает писательница об одном из очень интересных эпизодов истории музыки. С этой книгой нужно познакомить как можно больше читателей» [1, 6].

Профессиональный и человеческий подвиг М.С. Шагинян позволил ей достигнуть заветного – возвращения благодарным соотечественникам чехам (Большая золотая медаль ЧССР, 1964) и остальному миру доброго имени и талантливой музыки композитора Йозефа Мысливечка. По иронии судьбы сегодня энтузиастам-исследователям ее творчества необходимо отблагодарить большого писателя: в свою очередь вернуть ей долг – совершить памятное «воскрешение» от нынешнего затянувшегося забвения ее имени и животворного наследия к новой активной жизни.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Несколько пояснительных слов к читателю // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. Воскрешение из мертвых. Повесть об одном исследовании. М., 1988.
2. *Шагинян М.С.* Йозеф Мысливечек («Возвращение из мертвых»). Серия «ЖЗЛ». М., 1968.
3. БСЭ: в 30 т. Т. 17. Изд. 3-е. М., 1971.
4. *Пилкова З.* Мысливечек Й. // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. Т. 3 М., 1978-1982.
5. *Бэлза И.* История чешской музыкальной культуры. Т. 1. М., 1959.

**ГЕНИИ МЕСТА: М.С. ШАГИНЯН И М.С. САРЬЯН
В НАХИЧЕВАНИ И РОСТОВЕ-НА-ДОНУ.
ПРОЕКТ ЭКСКУРСИИ**

Актуальность предложенной темы можно рассматривать с исторической, а также духовной стороны, в контексте проекта познавательной экскурсии, она дает новое осмысление историко-культурным символам города, имеет прикладное значения для воспитания молодежи, студентов и школьников. О Нахичевани-на-Дону, о его славных людях написано много хороших книг, авторами которых являются известные историки, краеведы и литературоведы: Н.С. Авдулов, В. Бархударян, Г. Багдыков, М. Багдыков, Н.А. Осипова, В. Сидоров, В. Смирнов, О. Халпахчян и другие [1]. В них с разных сторон, и с разной степенью глубины рассказывается об истоках появления на Дону армянского поселения, о созидательных делах его жителей, об их значительном вкладе в социально-экономическое и культурное развитие Донского края и всего Юга России. Прошлое, как известно, может научить многому доброму, если его изучать, помнить, находить в нем образцы трудолюбия и творчества, дружелюбия и человеческого достоинства, в любом, в том числе региональном и городском пластах российской культуры.

Мариэтта Сергеевна Шагинян и Мартирос Сергеевич Сарьян, писательница и художник, разделили время жизни, наполнив ее дружбой, высокими намерениями и результатами своей деятельности. И Мариэтта Шагинян, и Мартирос Сарьян не только творили историю города, но и наполняли ее значимостью. Познавательный и просветительный аспекты нашей статьи переплетаются в самом названии «Гении места» и связаны с исследованием биографий великих людей, истории Юга России и г. Нахичевани-на-Дону. Мы хотели бы определить основные моменты биографий писательницы и художника, показать, как переплетаются жизненные пути М.С. Шагинян и М.С. Сарьяна в рамках проекта экскурсии, географически и территориально проследить привязку к месту, где проходила достаточно большая часть их жизни и творчества, как она повлияла на различ-

ные моменты истории, культуры, образования и других различных сфер жизнедеятельности Нахичевани-на-Дону.

У каждого народа и государства есть свои писатели, поэты и художники. Важное значение сегодня приобретают новые варианты экскурсий, для раскрытия вклада известных литераторов, художников, политиков и предпринимателей, их иногда уникальных биографий. В последнее время многие туристические агентства предлагают интересные пешеходные и музейные экскурсии по Старому и Новому Ростову, включая Нахичевань.

Нами предпринята попытка создать и предложить проект такой экскурсии по «Старой Нахичевани» включая посещение «Музея (отдела) русско-армянской дружбы». Возможность узнать о «Гениях места», где ты родился и проживаешь, равнозначна везению. Особенно важно это и в контексте патриотического и эстетического воспитания школьников и студентов. Гости нашего региона так же будут приятно удивлены предложенной возможностью. Тем более что нас в 2018 году ждет реальный туристический бум, в контексте проведения Чемпионата мира по футболу. Разработанная экскурсия помогает увидеть становление личностей и творчества известных писательницы и художника: М.С. Шагинян и М.С. Сарьяна. В сфере туризма любое путешествие приносит чувства, эмоции, удовлетворения потребности в познании нового. Такая экскурсия поможет окунуться в жизнь творческих людей, понять, что они дали нашему городу и, наоборот, что город дал им, проследить значимые этапы жизни писательницы и художника связанные с родными местами [2].

Предложенный нами проект экскурсии разработан на основе методических рекомендаций по экскурсоведению и краеведению преподавателей ДГТУ, доцентов И.В. Кедровой и Р.Г. Тикиджяна. Время экскурсии занимает 2,5 – 3 часа.

В данной экскурсии восемнадцать пунктов, по географии местонахождение определено на территории Нахичевани, центр города, церковь Сурб-Хач. Хотя по желанию экскурсантов в экскурсию может быть включено также и посещение с. Чалтырь, где более полугодом работала и проживала М.С. Шагинян и дачи семьи Сарьяна в районе с. Самбек.

Пункты экскурсии:

1. Дом Я.М. Хлытчиева.
2. Дом писателя Рафаэла Патканяна.
3. Дом Мартироса Сарьяна.
4. Дом живописца Григория Шилтяна.
5. Дом архитектора Марка Владимировича Тер-Григоряна.
6. Дом художника Амаяка Арцатбаняна.
7. Дом матери Мариэтты Шагинян.
8. Донская Консерватория.
9. Газета «Приазовский край».
10. Театральная мастерская.
11. Армянский городской театр.
12. Городская женская Екатерининская гимназия.
13. Общеобразовательное армяно-русское городское училище Новой Нахичевани.
14. Особняк Гайрабетовых.
15. Церковь Сурб-Хач.
16. Армянское кладбище, могилы родителей М.С. Шагинян.
17. Памятник художнику М.С. Сарьяну.
18. с. Самбек и с. Чалтырь (по желанию).

В проекте такого вида предлагается инновационный момент, который основан на интересе участников экскурсии к истории Нахичевани XX столетия и переплетении жизненных путей и творчества М.С. Шагинян и М.С. Сарьяна: она писала о нем и его творчестве художника, он увековечил ее, нарисовав один из лучших ее портретов.

М.С. Шагинян писала о нем и его творчестве, расшифровывая алгоритм его авторской философии: «Разбирая, откуда плывет на зрителя с полотен Сарьяна удивительная гармония, сталкиваешься с очень явным, всегда у него присутствующим умением гасить беспокойство, всякое беспокойство: красок, линий, объемов, величин в их взаимодействиях и встречах. И погашенное беспокойство становится таким великим фактором полного, до краев удовлетворения, такого реального чувства бытия, такого убеждения в его бесспорной, наглядной истинности, что минутами кажется: нет смерти».

Все началось осенью 1916 года, когда М.С. Шагинян, будущая известная советская писательница, познакомилась с буду-

щим мэтром российской, советской и мировой живописи М.С. Сарьяном, его женой Луйсик. Тогда в ее дневнике появилась следующая запись: «Сарьян и его жена мне определенно понравились. Он скромн, толков, добр, правдив. Она аристократка настоящая и потому тоже скромна, воспитана и любезна, видимо, добра. Они прелестно держат себя друг с другом». Знакомство имело продолжение: М.С. Сарьян написал портрет М.С. Шагинян, стал оформителем изданного в г. Нахичевани сборника ее стихов – «Orientalia». Он преподавал в художественной школе имени Врубеля, основанной в Нахичевани-на-Дону сестрами Шагинян — Мариэттой и Магдалиной. А в нашей истории самое главное то, что именно он познакомил М.С. Шагинян с преподавателем нахичеванской духовной семинарии Яковом Самсоновичем Хачатрянцем, вскоре они поженились.

Для этих людей, которые привнесли творческий вклад в развитие Нахичевани, имела важную роль чувство малой Родины, осознанность значения твоего города для души, как место, где ты нужен и тебе комфортно. Когда у гения душа лежит к творчеству и становления себя как личности, именно окружение дает неоспоримое влияние.

Мать Мариэтты Сергеевны, Петронэ Яковлевна была дочерью успешного купца первой гильдии, городского головы, общественного деятеля Якова Матвеевича Хлытчиева. Дом находится на 23 линии и 1-й Федоровской улице (Мясникова). В детстве Мариэтта и ее сестра были частыми гостями в доме своего дедушки, где проводили время со своими многочисленными тетушками, дочерьми Якова Матвеевича. Он обожал свою жену, одарившую его более десяти детьми. Он заказал торжественную хвалу в честь своей жены учителю своих детей поэту, писателю Рафаэлу Патканяну, проживавшему напротив его дома (ныне улице М. Сарьяна). В доме у Хлытчиева часто бывал Микаэл Налбандян. Мартирос Сарьян родился в городе Нор Нахичевань. Дом, в котором с 1916 по 1921 г. жил художник Мартирос Сергеевич Сарьян расположен по красной линии Первомайской ул. (б. Софийская улица) и построен в конце XIX в. На строении еще в 1977 г. установлена мемориальная доска с текстом: «В этом доме с 1916 по 1921 год жил выдающийся художник современности, Герой Социалистического Труда, народный

художник СССР, действительный член Академии художеств, лауреат Ленинской и Государственной премий Мартос Сергей Сарьян (1880-1972)».

На 20-й линии в одноэтажном особняке с великолепной лепкой на фасаде проживала семья Шилтянов, в которой воспитывался будущий яркий живописец Григорий Шилтян. Немаловажное значение имело, что в это время активно работала целая плеяда мастеров живописи, сам Мартирос Сарьян, а также С.М. Агаджанян, А.Г. Черченков, и учитель живописи Аким Карпович Ованесов, которые были между собой хорошими друзьями. На углу улицы Мурлычева и 20-й линии жил Марк Владимирович Тер-Григорян, главный архитектор города Ереван. На фасаде дома висит мемориальная доска и даты его жизни в Нахичевани с 1910 по 1924 гг.

На площади Л.Н. Толстого в двухэтажном доме с парадным входом проживал с большой семьей художник, близкий друг Мартироса Сарьяна Амаяк Арцатбанян. На углу 24 линии и 1-й Вознесенской в доме № 3 проживала мать Мариэтты Сергеевны. В свои приезды в Ростов-на-Дону Сергей Рахманинов, известный композитор и близкий друг писательницы, неоднократно бывал там в гостях. В 1918 году впервые в Ростове-на-Дону Михаилом Фабиановичем Гнесиным создается Донская Консерватория, где Мариэтта Сергеевна преподавала этику. В 1919 году 17-летняя М.С.Шагинян начала писать статьи и фельетоны в газете «Приазовский край», расположенной на Большой Садовой и углу Братского № 24. В 1919 году в Ростове-на-Дону на Большой Садовой М.Ф. Гнесиным организована «Театральная мастерская», в состав которой вошел и Георгий Баронович Тусузов, а художником-оформителем ее стал Мартирос Сарьян.

М.С. Шагинян и ее сестра Лина обучались в городской женской Екатерининской гимназии на углу Бульварной площади и 20 линии (ныне площадь Свободы, Лицей № 13). На фасаде висит мемориальная доска о времени обучения писательницы в ней. Недалеко от гимназии на Бульварной площади № 3 было построено великолепное здание армянского городского театра, который она часто и охотно посещала.

В 1895 году М.С. Сарьян окончил общеобразовательное армяно-русское городское училище Новой Нахичевани. В 1920 г.

здание особняка Гайрабетовых было национализировано. В особняке разместились классы школы им. М. Врубеля, первой на Юге России советской государственной художественной школы, основателями которой были писательница М.С. Шагинян и ее сестра Магдалина. М.С. Шагинян преподавала в школе историю искусств. Магдалина Шагинян вела класс скульптуры и руководила работой школы. В этой же школе живопись в школе преподавал Мартирос Сарьян. Взлет его художественного творчества приходится на 1920-1960 гг. Наиболее известные работы, мирового уровня – «К источнику», «Зной. Бегущая собака», «Гиены», «В роще на Самбеке», Сарьяновские «Горы» (1923), «Полуденная тишина» (1924), «Армения» (1923), «Ара-рат» (1933).

Революция застаёт его в Ростове-на-Дону, где он организует общество художников. В 1921 году по приглашению председателя Совнаркома Армении А. Мясникяна Сарьян с семьей переселяется в Ереван. Здесь по поручению Народного Комиссара Просвещения Ашота Иоаннисяна организует Музей археологии, этнографии и изобразительного искусства. Отныне Армения навсегда становится его родным домом и главной темой творчества. Родина высоко оценила заслуги М.С. Сарьяна. Он награжден тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Знаком почета.

В середине 1960-х в связи с развитием новой агломерации Ростова-на-Дону, усилением борьбы с религиозными культурами, предлагалось снести церковь Сурб-Хач и все монастырские постройки и возвести на их месте школу. Тогда же были уничтожены и все старинные ценные священные камни – хачкары, об их существовании теперь напоминают только пустые глубокие ниши в стенах древней церкви. Ростовское областное отделение «Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры» активно встало тогда на защиту одного из самых древних ростовских культовых зданий. Обратились за помощью к народному художнику Армянской ССР, депутату Верховного Совета СССР М.С. Сарьяну. Он весьма активно откликнулся на просьбу земляков, и ростовские партийные органы не смогли устоять перед его авторитетом. От полного уничтожения монастырь спасло создание на его месте при активной поддержке

М.С. Сарьяна в 1972 году «Музея русско-армянской дружбы» [3]. С 1982 года в Ростове-на-Дону город украсился памятником художнику, живописцу-пейзажисту, графику М.С. Сарьяну. Автор памятника Л. Токмаджян, архитекторы памятника Л. Джулакян и Г. Григорьев. Памятник изготовлен из бронзы и бетона (ныне ул. М. Сарьяна).

Однако в 2007 г. после того, как Сурб-Хач был передан церкви, располагавшийся там ранее «Музей русско-армянской дружбы», было решено перенести в здании особняка Гайрабетовых, в центр старой Нахичевани. В течение нескольких лет велись ремонтные работы, которые завершились в ноябре 2011 г. 25 ноября 2011 г. в отремонтированном здании вновь открылся музей русско-армянской дружбы. Сотрудниками музея за последние годы подготовлена интересная выставка поступлений «Из семейного архива М.С. Шагинян». Посетители выставки смогут не только ознакомиться с прижизненными изданиями М.С. Шагинян, ставшими библиографической редкостью. Но также получат уникальную возможность увидеть редкие документы, письма из семейного архива М.С. Шагинян, переданные музеем внучкой известной писательницы Еленой Викторовной Шагинян.

Шагиняновские чтения традиционно проходят в г. Ростове-на-Дону (Старой Нахичевани) в апреле, в Музее русско-армянской дружбы (на площади Свободы, 14.) Участники – ученые, студенты и школьники – обсуждают различные аспекты многогранного творчества и биографии известной советской писательницы М.С. Шагинян.

«Творчество Шагинян охватывает различные области жизни. Она выступала и как знаток музыки, и как литературный критик. Ее можно назвать исследователем, путешественником, беллетристом. Но в первую очередь она была писателем, оставившим после себя такие литературные произведения, как книга стихов «Orientalia», роман «Своя судьба», «Перемена», «Зарубежные письма», «Путешествие по Армении», «Человек и время», научные монографии о Гете, Тарасе Шевченко, Низами Гянджеви. Она же – автор первого советского детективного романа «Месс Менд» и великолепный мастер очерка» [4].

Таким образом, можно уверенно констатировать, что серьезный вклад в копилку знаний о городах Нахичевань-на-Дону и Ростов-на-Дону, внесли «гении места» – Мариэтта Сергеевна Шагинян и Мартирос Сергеевич Сарьян. Нашим современникам, молодым людям никак нельзя забывать об этом, ибо здесь места – прославленные их талантами, их дружбе и любви к тихим улочкам Южного города.

Главным результатом деятельности этих известных людей, новаторов литературного и художественного творчества XX века, остается глубокая народная любовь к их талантам и многогранному творчеству. С каждым годом интерес к развитию культуры, связанной с жизнью М. Шагинян и М. Сарьяна растет все больше и больше. Необходимо продолжать такую деятельность, и стараться усилить все факторы, положительно влияющие на тенденцию популярности проведения таких мероприятий о гениях места.

Высокая оценка их деятельности, «география» их жизни и творчества в Нахичевани и Ростове-на-Дону распространяется сегодня через современные научные исследования, музейные и экскурсионные новации. Это способствует дальнейшей популяризации истории Донского края и г. Нахичевани-на-Дону. Этому должен помочь и предложенный нами проект экскурсии по памятным местам, связанным с жизнью и деятельностью М.С. Шагинян и М.С. Сарьяна, с посещением «Музея русско-армянской дружбы».

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Серия «Жизнь замечательных нахичеванцев». Ростов-на-Дону, 2013; *Багдыков Г.М.* Нахичеванские портреты Георгия Багдыкова. Сборник рассказов. Ростов-на-Дону, 2016; Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: Материалы Первых Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014.
2. *Добринина Н.А.* Экскурсоведение. М., 2012; *Долженко Г.П., Белоусова С.А.* Туризм в равнинной части Юга России (ресурсы, история, тенденции). Ростов-на-Дону, 2008 и др.

3. Материалы электронного источника: сайт Дом-музея М.С. Сарьяна
URL: http://sarian.am/index_rus.html.
4. Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: Материалы Вторых Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2014; М.С. Шагинян о дружбе и сотрудничестве народов. Ростов-на-Дону, 2016.

Победители IV Шагинянских чтений среди школьников Ростовской области

(с. Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской области,
4 апреля 2017 г.)

в номинации "сообщения":

Акопян Соня (МБОУ СОШ № 3, с. Чалтырь, 11 класс, руководитель Чепикова Анна Вячеславовна) – 1-е место за сообщение «М.С. Шагинян. Путь к пониманию»

Саркисян Карина (МБОУ СОШ № 13, х. Ленинаван, 10 класс, руководитель Артеменко Виталий Валерьевич) – 2-е место за сообщение «О роли М.С. Шагинян в развитии художественной культуры XX века»

Бирюкова Дарья (МБОУ Гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону, 10 класс, руководитель Симавонян Александра Георгиевна) – 3-е место за сообщение «Четыре урока у Ленина»

в номинации "художественное чтение":

Будников Илья (МБОУ Гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону, 10 класс, руководитель Симавонян Александра Георгиевна) – 1-е место за чтение произведения «Касыда» (1920) из сборника «Orientalia».

Малахова Нина (МБОУ СОШ № 12, 6 класс, руководитель Хрхрян Астхик Давидовна) – 2-е место за чтение произведения «Грибы» (1906) из сборника «Первые встречи».

Григорян Евгения (МБОУ СОШ № 12, 10 класс, руководитель Хрхрян Астхик Давидовна) – 3-е место за чтение произведения «Час не повторяется» (1911) из сборника «Orientalia».

в номинации "рисунки, картины":

Манвелян Грануш (МБОУ СОШ № 12, 9 класс, руководитель Хрхрян Астхик Давидовна) – 1-е место за рисунок по мотивам стихотворения «Молитва» (1911) из сборника «Orientalia».

Мальцева Валерия (МБОУ СОШ № 3, 10 класс, руководитель Додонова Марина Александровна) – 2-е место за рисунок по мотивам стихотворения «Чеченка» (1916) из сборника «Orientalia».

Мхитарян Кристина (МБОУ СОШ № 2, 6 класс, руководитель Авакянц Жанна Варужановна) – 3-е место за рисунок «Родина моя» по мотивам стихотворения «К Армении» из сборника «Orientalia».

А.Г. Симавонян

АКРОСТИХОТВОРЕНИЕ

*Мариэтте Шагинян,
Любимой писательнице*

Мышлением уникальным – смело,
Армянским трудолюбием редким,
Реалии жизни, прошлой эпохи той –
Истинно воплотились в трудах той
Энтузиастки, в ком была великая любовь.
Творчество ее талантливо, прекрасно,
Труд и путь для потомков – пример,
Единой с народом всегда она была.
Шагиняновские труды, их чтение,
Армения, Нахичевань и Арагац,
Глубиной постижения и сегодня –
Изыществом мысли восхищают нас.
Наследие богатое оставила нам она –
Языком великим – русским языком. И
Нахичеванцами – любимой всегда она была.

М.С. ШАГИНЯН. ПУТЬ К ПОНИМАНИЮ

Есть люди, которые не любят стихов... Даже среди моих одноклассников есть такие ребята. Но я глубоко убеждена, что любая душа нуждается в песне, в музыке, что таят стихи, стоит только ее понять, услышать, разобрать.

Когда в 11 классе мы изучали поэтов серебряного века, сравнивали стихи А. Ахматовой и М. Цветаевой, мне показалось, что я уж точно ахматовская. Стройные линии, мелодичный слог, простая, понятная метафора... Но именно «Литературный дневник» М.С. Шагинян помог мне понять красоту хаоса М. Цветаевой, ее инаковость, показал, как нужно читать великую поэтессу и дал ключи к разгадке кода ее лирики.

М.С. Шагинян писала о юной М. Цветаевой, когда ей было всего 19 лет. Между мной и М. Цветаевой из дневника М.С. Шагинян всего лишь один год, а кажется, что гораздо больше.

Нарушу законы логики и сразу же озвучу главную мысль своего сообщения. М.С. Шагинян научила меня видеть в поэте личность и в поэзии подвиг. Эту мысль следует прояснить...

Современная критика рисует М. Цветаеву мрачной и фатальной, однако М.С. Шагинян и вслед за ней я, разглядела в Марине Ивановне Цветаевой добрую, светлую натуру, заботливую девушку, великодушную, готовую любить, иногда наивную, непосредственную, независимую. Сколько нежности в строчках ее стихотворения «У кровати» [2]:

Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук...

«Культурность, хорошее интеллектуальное воспитание, вот что бросается в глаза при самом беглом осмотре книги; семейственность и какая-то чрезвычайная, небрежная и для читателя подчас непонятная интимность – вот другое» [1]. Действительно, а ведь я этого не замечала! В стихах моей ровесницы так много мудрости, точного понимания хода времени и смысла жизни. Вот откуда ее фатальность, вот откуда такая смелость в теме смерти, ведь это не что иное, как глубокое принятие законов Вселенной.

Есть слово, которое я заимствовала у М.С. Шагинян, – «женскость». Понимаю, что это не женственность, отражающаяся в поведении, в словах, в манерах. Женскость – это совсем иное, дар природы, вложенный в девочку, девушку, мать. Абсолютно вневозрастное понятие. Женскость – способность чувствовать, а не только вести себя как женщина. И если можно было бы воплотить всю женскость мира в стихах, лучше М. Цветаевой это не сделал бы никто:

О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятые не буди... –

Смогла бы я увидеть это без М.С. Шагинян? Наверное, смогла бы почувствовать, но вряд ли смогла бы озвучить, найти нужные слова, так точно, как это сделала М.С. Шагинян.

Следует отметить, что М.И. Цветаева отвечала М.С. Шагинян большой человеческой любовью. В письме от 28 марта 1940 года Марина Ивановна Цветаева писала: «Без Вас в доме творчества – меньше дома и меньше творчества, и Ваше место за столом – явно пусто, хотя с виду – для виду – и занято. Вы – очаг тепла и люди сами не знают, сколько они Вам должны – радости» [3].

Мне кажется, такое чувство возникает между людьми, доверяющими друг другу, по-настоящему знающими и понимающими переживания друг друга. Дружба поэта и критика – факт удивительный и по большей части заслуга Мариэтты Сергеевны Шагинян. И тут я согласна с Г.В. Адамовичем: «Мариэтта Шагинян играет роль верного, бескорыстного друга, не ищущего ничего кроме истины» [4].

Последние строки «Литературного дневника» М.С. Шагинян, обращенные к М.И. Цветаевой, звучат как напутствие читателю, к тому, кто считает себя талантливым: «Настоящему таланту, как она, найти самое себя, значит найти мир, а найти мир – значит найти путь к вечной реальности».

Найти себя, как это сделали М.С. Шагинян, М.И. Цветаева – вот что важно!

Литература

1. Дневник Мариэтты Шагинян. М., 1953.
2. <http://rupoem.ru/cvetaeva/silver.aspx>
3. Письма Цветаевой к Шагинян // Цветаева М.И. Собрание сочинений. Т. 7. С. 679-681.
4. http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/adamovich/3/j29.html
5. <http://www.tsvetayeva.com/shaginyan-4>

КАСЫДА

Мариэтта Сергеевна Шагинян, писательница, поэтесса, историк и журналист, родилась 2 апреля 1888 года. С 1915 по 1918 М.С. Шагинян жила в Ростове-на-Дону. Она работала преподавателем в консерватории, преподавала историю искусств и эстетику. В это время в статьях разных газет она освещала события художественной и литературной жизни страны. С энтузиазмом приняла она Великую Октябрьскую революцию 1917 года, которая дала ей новые темы для творчества. В 32 года, 13 апреля 1920, ею написано стихотворение "Касыда".

Из энциклопедии можно узнать, что касыда – это жанровая поэтическая форма в литературах народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. Стихотворению М.С. Шагинян присущи и формальные признаки этой поэтической формы, например, значительный объем или монорим, т.е. необычная рифмовка.

Впервые это стихотворение опубликовано во втором номере журнала "Новая Россия", выпущенного в 1922 г., позже оно вошло в сборник "Orientalia".

Обратим внимание на сюжет.

В начале повествования Мариэтта Сергеевна Шагинян говорит несколько слов о главном герое и его окружении:

Был человек. Имел жену, детей,
Дом с черепичной кровлей,
Сад, колодец,
Вола, осла и слуг, служивших верно.

Далее идет завязка, из которой мы узнаем о том, что некий раб поджег солому, огонь от которой сжег дом главного героя:

Он узнает, что нерадивый раб
Поджег в саду солому,
Испугался
И, бросив дом, бежал от наказания.

После произошедшего, оставшийся без крова человек решил потребовать от соседа свое золото, которое просил хранить:

Построим снова, – молвил человек, –
Верни-ка, друг, кубышку,
Что отдал я
Тебе хранить на наш на черный день!

В кубышке было золото. Сосед
Его давно растратил.
Молвил: Что ты?
В бреду с беды? Какая там кубышка?

Мы видим, что золото было последней надеждой главного героя, эту потерю он стерпеть не смог:

Взревев, как зверь, ударил человек
Неверного соседа.
Тот свалился
И умер. Был виновник взят в тюрьму.

Из-за случившегося жена и дети главного героя остались одни без средств существования. Свершился его кошмар – смерть взяла и их.

Отбыл свой срок человек, но ждала его ужасная весть:

Тот вышел и спросил: Где сын? Погиб.
Спросил: Где дочь? Погибла.
О жене он
Тогда спросил, и был ответ: мертва...

А раб, их дом поджегший,
Днем и ночью
Тем временем терзался в злой тоске.

И так несносен сердцу был укор,
Что – в жажде облегченья –
Воротился,
Бил в грудь себя и пал пред человеком.

Виновник пожара начал вымаливать прощения у человека, на что тот ответил:

Не ты, – сказал он, – в этом виноват.
Ну, ты поджег солому,
Правда, правда,
А дети, а жена моя, а золото?

Уж тут не ты. Иди себе, иди,
Коль хочешь, так прощаю.
Обратился
К нему очами и простил ему.

Упала тяжесть с совести раба.
Вскричал он: Друг, спасибо!
Не забуду
Всю жизнь мою, что мне сейчас даруешь!

Таким образом, мы видим, что смысл стихотворения сводится к теме прощения и примирения. Но можно найти здесь и мотив Великой Октябрьской революции.

Раскрывается он в отношениях красных с белыми.

Гражданская война продолжалась долго и мучительно для обеих сторон. Люди погибали и теряли все, что у них было. Наконец, противоборство закончилось, но бывшим врагам нужно было продолжать жить в одной стране, и единственным выходом было примирение. Им пришлось забыть прежние разногласия и принять стечение обстоятельств.

Этим стихотворением Мариэтта Сергеевна Шагинян показала, что примирение и дальнейшее совместное сосуществование возможно лишь через прощение.

О РОЛИ М.С. ШАГИНЯН В РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Литературное наследие М.С. Шагинян огромно. Все жанры литературного творчества были подвластны ей: от лирического стихотворения до романа. М.С. Шагинян также известна как очеркист, мемуарист, рассказчик, литературный критик...

Подобно многим прозаикам, М.С. Шагинян начала свой долгий литературный путь со стихов. Дебютный сборник лирики «Первые встречи» (1909) был издан поэтессой на собственные средства и оказалась малоудачной. Подписывая ее своим друзьям Выгодским, поэтесса признавалась: «...книжка, напечатанная на дедушкину шубу и скупленная мною самой на деньги, оставшиеся от той же шубы». Однако «Первые встречи», оставшиеся незамеченными читателями, вызвали весьма сочувственный отзыв И.Ф. Анненского в самом «Аполлоне». Это была одна из последних рецензий маститого поэта, переводчика, критика. А. Ахматова и два поколения акмеистов считали его «учителем». В ранних стихах М.С. Шагинян реализуется один из устойчивых символистских мотивов: уход от реальности в сказку, в причуду, в маскарад, в фантазию. В обзоре «О современном лиризме» И.Ф. Анненский с добрым сочувствием говорит о М.С. Шагинян – и предостерегает от отравления мифом. Ведь миф, – настаивает он, – «слишком любит и ценит внешнее». Отсюда такая утонченность и изощренность деталей, которым не вместить естественного чувства. И вместо жизни читателю предлагают хоть и мастерски изготовленные, но все-таки декорации.

Второй книге стихов «Orientalia» (1913) повезло куда больше. Она посвящена С.В. Рахманинову, с которым М.С. Шагинян дружила и состояла в переписке. Книга выдержала 7 изданий (одно из них – берлинское, 1923). Успех, сопоставимый лишь с «Громокипящим кубком» Игоря Северянина (1913) и «Четками» Анны Ахматовой (1914). В. Нарбут, соратник А. Ахматовой по акмеизму и «Цеху поэтов», даже отдал предпочтение стихам М.С. Шагинян перед стихами А. Ахматовой и М. Цветаевой,

которые также рецензировал. Очевидно, секрет успеха поэтессы заключался не столько в мастерской отделке стихотворений, сколько в их жизнеутверждающем пафосе. В целом же лирика М.С. Шагинян эклектична и лишена подлинной самобытности: в ней прослеживается целый ряд разносторонних влияний: М. Лохвицкой в чувственности восточных мотивов («Полнолуние»), З. Гиппиус в философской рефлексии и манере писать от мужского лица («Час не повторяется»), В. Ходасевича («Путем зерна»), М. Кузмина («Флейта») и других.

В 1914 году появилась статья М.С. Шагинян «Женская поэзия». Специфику женской поэтической манеры М.С. Шагинян видела в тщательности исполнения, изяществе отделки. Женские стихи она сопоставляла с искусной вышивкой: «Ни любовь, ни ненависть не «выкрикиваются», не «выковываются», а как бы выстегиваются, вышиваются. У женщин нет пафоса...но есть особая тщательность и детализированность, которые ныне с таким трудом и так искусственно даются молодежи мужского пола».

В 1914 и 1915 гг., в разгар Первой мировой войны, выходят сборники рассказов М.С. Шагинян «Узкие врата» и «Семь разговоров». Завершен первый – поэтический – этап творчества. Отметим, что лирику М.С. Шагинян, помимо чисто поэтических влияний, формировали и антропософия Р. Штейнера (вероятно, благодаря общению с А. Белым), и богоискательство Д. Мережковского и З. Гиппиус (о последней она написала апологетическую статью «Блаженство имущего» еще в 1912 г.). Рассказы М.С. Шагинян успеха не имели – да и время было не то. Образованная, талантливая, трудолюбивая, она пробует себя в романной форме. М.С. Шагинян – за разностильность и эксперимент. Действие романа «Своя судьба» (1916) происходит в психиатрической лечебнице, что предваряет М.А. Булгакова. Роман «Перемена» (1923) подвергся нападкам критиков журнала «На посту», громивших В.В. Маяковского. Под псевдонимом Джим Доллар Шагинян опубликовала серию иронических повестей «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924) в стиле агитационной сатиры. В романе «К и к», что расшифровывается как «Колдунья и коммунист», писательница соединила политическую агитацию с экспериментом в области повествовательной техни-

ки: здесь одни и те же события рассказываются с точки зрения четырех персонажей.

Вершиной эпического творчества М.С. Шагинян в разное время принято считать «Гидроцентральный» и ее «Лениниану». Писательница кропотливо, в течение многих лет собирала материалы о Ленине и его семье, предпринимала творческие поездки в Ульяновск. Издание хроники «Семья Ульяновых» вызвало недовольство Сталина. 5 августа 1936 г. появилось постановление Политбюро: роман попал в индекс запрещенных книг (М.С. Шагинян опубликовала сведения, согласно которым в жилах Ленина текла калмыцкая и малороссийская кровь).

В последней книге – «Человек и Время. История человеческого становления» (1980) М.С. Шагинян осуществила попытку соединить в творчестве мемуарное, философско-теоретическое и образно-художественное начало.

М.С. Шагинян родилась и умерла в Москве (похоронена на Армянском кладбище). Отец – приват-доцент медицинских наук, преподавал в Московском университете, мать – из старинной купеческой семьи, родилась в Нахичевани-на-Дону. В Ростове-на-Дону Мариэтта Сергеевна проживет четыре долгих и трудных года (с 1915 по 1918). Она преподает эстетику и историю искусств в Консерватории, занимается сбором переводов армянских сказок. В 1919 году М.С. Шагинян приезжает на историческую родину, о свидании с которой давно мечтала:

К Армении

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церковей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!
Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,
Твои поля, ручьи, и кручи,
И сладкий запах чебреца...
Веленью тайному послушный,
Мой слух доньне не отвык
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный язык.

И в час тоски невыразимой,
Приют последний обретя,
Твое несчастное дитя
Идет прилечь к тебе, к родимой...
Я знаю, мудрый зверь лесной
Ползет домой, когда он ранен, –
Ту боль, что дал мне северянин,
О, залечи мне, край родной!

Писательница участвует в 1-ом сельскохозяйственном съезде Армении и посвящает этому событию очерк «Как я была инструктором ткацкого дела». В 1920 г. М.С. Шагинян находилась в Карабахе. Здесь создавалась книга «Нагорный Карабах. Путевые очерки» (о разрушении турко-татарами армянских поселений в 1918–1920 гг.). Книга трагическая, несмотря на очерковую природу текстов. В 1922 г. М.С. Шагинян снова на исторической родине – по командировке газеты «Правда», а с 1927 по 1931 г. работает на строительстве Дзорагетской ГЭС. Она выступает в качестве агитатора, журналиста и очеркиста. На этом материале создается «производственный» роман «Гидроцентральный» (1930) – литературный памятник эпохе социалистического энтузиазма. Роман стал своего рода «бестселлером», правда, в узких интеллигентских кругах. Он вызвал одобрение советской критики, даже «напостовцы» (в лице Н. Тихонова) приветствовали его публикацию в «Новом мире». Что знаменательно, «Гидроцентраль» широко обсуждалась в литературной эмиграции «первой волны». Острый критик Г. Адамович, несмотря на очевидное желание свести к нулю резонанс, вызванный изданием «Гидроцентрали», не мог не признать эрудиции, ума, вдумчивости и высокой литературной техники М.С. Шагинян, а Г. Федотов, отметивший особый «моральный дух» текста, заявил, что М.С. Шагинян генетически соотносится с поколением «шестидесятников»-идеалистов. Постановлением ЦИК Армянской ССР М.С. Шагинян была награждена орденом Дружбы народов в 1931 г.

Однако русско-армянскими связями вклад М.С. Шагинян в укрепление дружбы народов далеко не исчерпывается. В течение своей долгой творческой жизни она создала научные моно-

графии о Т.Шевченко, И.-В.Гете, Низами, переведенные на языки авторов.

Литературное наследие М.С. Шагинян, изрядно подзабытое в 1980-1990-е годы, заслуживает, на наш взгляд, внимания современного читателя и пристального изучения литературоведов.

Литература

1. Царицы муз. Русские поэтессы 19-начала 20 веков. М., 1989.
2. Сто одна поэтесса Серебряного века. СПб, 2000.
3. Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917. Антология. М., 1993.
4. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти века. М., 1991.
5. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996.
6. *Адамович Г.* Литературные заметки. СПб, 2002.

**ПО СТРАНИЦАМ РАБОТЫ
М.С. ШАГИНЯН «ДУХ МУЗЫКИ»**

Перу Мариэтты Шагинян принадлежит статья «Уроки музыки», к анализу которой хотелось бы обратиться в этом сообщении. В ней М.С. Шагинян говорит о том, что можно не соглашаться с таким широким пониманием музыки, но тот, кто привык говорить на языке музыки, кто умеет слушать и переживать его, испытывая его умиротворяющую силу, его вдохновляющую власть, и его страстный призыв – тот будет горячо стоять за расширении роли музыки у граждан нового мира.

1. Для того, чтобы понять национальный характер чехословацкой культуры, вклад ее в общую культуру социализма, необходимо представить себе, – какое большое место занимает в ней музыка. «Когда ранним утром встает над деревнями и городами Чехословакии первый звук – позывные радио, то эти позывные повторяют музыкальную фразу из симфонического цикла Сметаны «Моя родина»; когда раздаются на торжествах звуки Чехословацкого государственного гимна, то это звучит музыка знаменитой арии из «Фидловачки» Франтишка ШкROUPA.

2. Это уже двухсотлетняя традиция. На стене Бертлемской капеллы, где Ян Гус гневно обличал католическую церковь и сильных мира сего, бросается в глаза крупная нотная запись знаменитого гуситского гимна. С этим хоралом чехи в XV веке шли сражаться за свою независимость. И эти хоралы и песни еще живут не только в музейных записях.

Ф. Вейскопф в сборнике документальных новелл, талантливых, остро разящих фашизм, приводит такой случай, – как «ходы», чешское племя, живущее в пограничных с Германией деревнях, сопротивляясь фашистским оккупантам, шли против гитлеровских солдат с пением древнего гуситского гимна... Замечательно, что даже и не у себя на родине чехословацкий народ делает свою музыку спутницей и помощницей в боях, – так создан был Витом Неядлы чехословацкий оркестр на советской земле, шедший сражаться за родину в бригаде генерала Свободы.

3. Все эти примеры, говорящие о музыкальной одаренности и любви к музыке чехословацкого народа, лежат, что называется, на поверхности у каждого. Между тем мало кому известно, что М. С. Шагинян говорит о характере и системе музыкального воспитания чехословаков, трехсотлетние традиции которого можно проследить вплоть до отца современной педагогики, великого чешского мыслителя Яна Амоса Коменского.

4. Педагог Ян Амос Коменский писал: «В древности было мудрое правило, чтобы юношество... начинало с изучения числа и меры и предварительно упражнялось в этом... Поэтому при поступлении детей в школу... мы с самого начала ставим преддверие к божественной премудрости, чтобы вместе с буквами дети учились также писать, выговаривать и понимать числа...»

По мнению М.С. Шагинян, нельзя допустить, чтобы ритмы музыки не поражали душу слушателя своей гармонией.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ УЧИТЕЛЯ

Какая совокупность должна осваиваться современным педагогом, чтоб зажечь его самого и вдохновить его на передачу ученикам? Над этим вопросом размышляла Мариэтта Шагинян. Писательница считала, что в *образование* учителю нужно вкладывать то самое горение души, которым заразятся будущие педагоги, чтоб, в свою очередь, «пропитать им свою работу». Доказывая свою точку зрения, М.С. Шагинян приводила в пример замечательного педагога, Илью Николаевича Ульянова. Ещу в юном возрасте, он написал классное сочинение на необычную тему: «О вдохновении». Смысл найденного им объяснения был таков: вдохновение есть момент отдачи. Ставши взрослым человеком, Илья Николаевич почти всю свою жизнь посвятил «созданию» народных учителей, которых впоследствии так и назвали «ульяновцами», а в воспитывал общее качество – горение души или, как писала Мариэтта Шагинян, «учителя – люди отдачи». Однако «для горения души нужно топливо», – указывала она. – Чтобы зажечься душу, «нужно испытывать огромный интерес к системе наук», ко всей их совокупности, которая кладётся в основу образования учительства . Решающим фактором образования педагога, который будет потом делится своими знаниями с детьми, является то обстоятельство, *соответствует* ли эта система и эта совокупность знаний – общей потребности данной эпохи и данного общества или не соответствует.

Когда она соответствует, то все вокруг помогает работе и вдохновению учителя, и весь комплекс событий и интересов окружающего мира как бы льет воду на его мельницу, снабжая его примерами, ассоциациями и выводами. Когда оно не соответствует, то все вокруг мешает ему, и отвлеченный мир его знаний выслушивается и выветривается, становится пустой формой.

Далее М.С. Шагинян ставила *проблему интеллигентности*. Этот вопрос очень актуален и для нашего времени, так как для культурного роста общества требуется поднять уровень интеллигентности миллионов населения страны. И проводником этой интеллигентности должен стать *учитель*.

В подтверждение своих мыслей, писательница приводила пример из своей жизни. На родительских собраниях Мариэтта Шагинян, слушая выступления некоторых учителей средней школы, иногда невольно думала об низком уровне их интеллигентности, именно интеллигентности, т.е. того общего образовательного фона, который делает человека грамотным членом своего общества и своего времени. Писательница размышляла: «Да откуда же у них может родиться вдохновение отдачи! Что им отдать? Как будто из карманного фонаря падает кружок света на одно – единственное местечко в учебнике, которое нужно «пройти» завтра в классе, и не сбиться, и не осрамится при вопросе учащихся.

Всем ходом рассуждений автор подводит к выводу: «Между тем основной познавательной стихией урока должно быть вовсе не изложение учителем учебника, а то, он приносит с собой на урок и отдает ученикам вместе с дыханием, всей своей личностью, всей своей очень большой интеллигентностью. Такие и остаются в нашей памяти».

В подтверждении мыслей М.С. Шагинян хочется привести аргумент из статьи Виктора Петровича Астафьева «Учитель», которого звали Игнатий Дмитриевич Рождественский. Он преподавал русский язык и литературу. Сам будучи поэтом, учитель по-настоящему привил Астафьеву любовь к родному языку и словесности. Писатель с огромной благодарностью вспоминал его уроки, экскурсии в историю языка, например, рассказ о какой-нибудь букве «яр». Именно этому учителю В.П. Астафьев посвятил свою первую книгу рассказов, вышедшую в 1953 году, в знак благодарности за то, что он пробудил в нем жажду творчества.

Отсюда можно сделать вывод, что учитель должен быть, как писала Мариэтта Сергеевна Шагинян, человеком отдачи, от-

дающим духовную пищу с наслаждением, поскольку в отдаче находит самого себя и дело своей жизни.

**Участники IV Шагиняновских чтений. 4 апреля 2017 года.
с. Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской области**

**Участники IV Шагиняновских чтений. 5 апреля 2017 года.
г. Ростов-на-Дону. Музей Русско-армянской дружбы**

НАШИ АВТОРЫ

Авдулов Николай Степанович, профессор, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского центра высшей школы Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Беленький Геннадий Леонидович, член Союза журналистов России, г. Ростов-на-Дону.

Белов Анатолий Викторович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Зулумян Бурастан Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литератур народов РФ и СНГ РАН Института мировой литературы им. А.М. Горького, г. Москва.

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, профессор Института переподготовки и повышения квалификации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Паламарчук Евгений Александрович

Осипова Татьяна Осиповна, кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Самарина Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Симавонян Александра Георгиевна, учитель армянского языка, МБОУ «Гимназия № 14», г. Ростов-на-Дону.

Стопченко Николай Иванович, доктор культурологии, профессор Донской академии наук юных исследователей (ДАНЮИ), г. Ростов-на-Дону.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

Акопян Соня, ученица 11 класса, МБОУ СОШ № 3, с. Чалтырь Мясниковского района.

Будников Илья, ученик 10 класса, МБОУ Гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону.

Саркисян Карина, ученица 10 класса, МБОУ СОШ № 13, х. Лениван.

Ташчян Милена, ученица 8 класса, МБОУ СОШ № 4, г. Аксай.

Авдиева Диана, ученица 8 класса, МБОУ СОШ № 4, г. Аксай.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия участникам IV Шагиняновских чтений

Абрамян А.А. Приветствие Президента Общероссийской общественной организации «Союз армян России»

Сурмалян А.А. Приветствие Председателя правления Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община»

Доклады участников IV Шагиняновских чтений

Авдулов Н.С. Тема труда в творчестве М.С. Шагинян

Беленький Г.Л. К вопросу о жанровом определении книги М.С. Шагинян «Человек и время»

Белов А.В. Образ ученого в наследии М.С. Шагинян

Зулумян Б.С. Под знаком «духовного труда». Мариэтта Шагинян в 1908-1913 гг.

Матвеев Г.А. Нравственные уроки М.С. Шагинян (по материалам книги «Человек и время»)

Осипова Т.О. Роман «Месс-Менд, или янки в Петрограде» в контексте творчества М.С. Шагинян 1920- годов

Паламарчук Е.А. «Не сметет веков теченье следа, оставленного мной»

Самарина Н.В. М.С. Шагинян о религиозных исканиях в России начала XX века

Стопченко Н.И., Косьяненко Е.В. Философско-культурологические аспекты повести-исследования М.С. Шагинян «Воскрешение из мертвых»

Тикиджьян Р.Г., Рудь А.В. Гении места: М.С. Шагинян и М.С. Сарьян в Нахичевани и Ростове-на-Дону. Проект экскурсии

Победители IV Шагиняновских чтений среди школьников Ростовской области

Симавонян А.Г. Акrostихотворение

Сообщения школьников на IV Шагиняновских чтениях

Акопян Соня М.С. Шагинян. Путь к пониманию

Будников Илья Касыда

Саркисян Карина О роли М.С. Шагинян в развитии художественной культуры XX века

Ташчян Милена По страницам работы М.С. Шагинян «Дух музыки»

Авдиева Диана Мариэтта Шагинян о роли и значении Учителя

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Материалы IV Шагиняновских чтений
4–5 апреля 2017 года

Ответственный за выпуск – *Н.С. Авдулов*

Литературная редакция и компьютерная верстка –
А.В. Белов

Сдано в набор 11.05.2017. Подписано в печать 15.05.2017.
Формат набора 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать цифровая.

Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 5,3.

Тираж 500 экз. Заказ № 694.

Издательство Северо-Кавказского научного центра
высшей школы ЮФУ.

344006. г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140
т. 264-50-66

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 109.
Тел. 8-918-570-30-30